

Олег Верещагин

ЗВЁЗДНАЯ РАСА

(сборник рассказов)

Олег Верещагин

Звёздная раса. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Верещагин О.

Звёздная раса. Сборник рассказов / О. Верещагин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934519-6

Сборник рассказов о возможном будущем нашей планеты. Возможном —
в том случае, если мы сумеем преодолеть тот ужас, в который погружаемся
сейчас. Несмотря ни на что — счастливом будущем...

ISBN 978-5-44-934519-6

© Верещагин О.
© Издательские решения

Содержание

1. ЧТО ТАКОЕ НОВЫЙ ГОД?	8
2. СЫН МОЕГО ВРАГА	19
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Звёздная раса

Сборник рассказов

Олег Верещагин

© Олег Верещагин, 2018

ISBN 978-5-4493-4519-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОБЩАЯ ХРОНОЛОГИЯ

ПОСТЪЯДЕРНОЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Третья Мировая война – март 20... – январь 20... г.г.

Попытка выродившейся и полностью потерявшей представления о реальности ООН расчленить РФ на подмандатные территории и тем самым продлить за счёт её ресурсов агонию Земли ещё на 20—50 лет, завершается глобальным ядерным конфликтом.

Безвременье – 7 лет

(последние три года являются так же начальными годами Серых Войн)

Начало Безвременья характеризуется вызванной ядерной войной экологической катастрофой (т.н. «ядерная зима»), изменением климата, геологическими катаклизмами (катастрофические цунами, землетрясения, извержения вулканов, общее изменение очертаний поверхности планеты), а так же пандемиями и полным распадом всех сторон привычного уклада жизни уцелевших 3—7% Человечества.

Серые Войны – 28 лет

(начало накладывается на последние три года Безвременья)

Войны за фактически ресурсы между бандами, сообществами и квазигосударственными образованиями самой разной направленности. Основными центрами притяжения здоровых сил выступают военные ордена «РА» и «Фирд», ставшие зародышами возникновения Русской и Англо-Саксонской Империй (в тот период больше похожих на довольно рыхлые конфедерации, объединённые разве что пониманием того, что выжить и выстоять получится лишь вместе). В 20 г. Серых Войн на о. Рюген встретились Императоры Русской и Англо-Саксонской Империй. Встреча была практически неофициальной, никаких бумаг на ней не подписывалось. В этот период несмотря на подписание Гритвикенской договорённости возникло резкое напряжение, связанное с вопросом раздела сфер влияния и вообще видения будущности Земли. В пограничных зонах произошло несколько перестрелок между витязями и хускерлами, на территории некоторых государств спецслужбы Империй начали друг против друга Игру. До сих пор остаётся загадкой, о чём говорили Императоры. Но с той встречи сосуществование Империй было практически бесконфликтным. В 12 г. состоялся I Имперский Пионерский Слёт, в 14 г. I Тинг Скаутов Империи. Подписывается Гритвикенская договорённость о совместных действиях Империй во всех областях для восстановления цивилизации. К концу С.В. удаётся полностью стабилизировать положение на большей части Европы, Северной Америки, Австралозеландии и бывшей России. Постепенно начинают «выправляться» климат и экология. В самом конце С. В. Человечество делает шаг в космос – как сакральную «заявку на будущее». В Оттаве подписан Протокол о Пределах Применения (запрещение к применению научных разработок, могущих нарушить традиционность человеческой морали и привести к принципиально неконтролируемым последствиям: полная виртуальность, клонирование человека, психотехнологии порабощения личности, донорство органов от носителя-человека,

создание полноценной электронной жизни, а так же многое другое, приведшее к гибели прежнюю цивилизацию)

Реконкиста – 54 года

Человечество одновременно начинает массированное освоение Солнечной Системы и решительное наступление на Африку, Азию и Южную Америку, где скопились остатки самых различных банд, преступники, канныбалы, вырождающиеся и полностью опустившиеся местные племена – и оформились несколько наркобандитских «государств». Уже осознанно, а не эмпирически, «запускаются» многочисленные экологические, педагогические и евгенические программы. Успехи медицины накладываются на выработанный выжившими в ходе катаклизмов прошлого передающийся по наследству прочнейший комплексный иммунитет. Начинается масштабное реосвоение континентов. Идёт процесс прочной консолидации (в основном – добровольной) мелких государств вокруг двух центров – Русской и Англо-Саксонской Империй. Возникают многочисленные постоянные поселения людей на других планетах. Запускаются космические программы терраформирования (15-й г., программа «Лебенсraum»). Делаются успешные экспериментальные шаги по созданию андроидов.

Промежуток – 29 лет

На Земле царит прочный мир. Человечество быстро повышает уровень жизни. Свои плоды дают программы по построению нового человека – может быть, впервые за всю историю Человечества технический прогресс не обгоняет моральный и более того – способствует ему. Широко осваивается Солнечная Система – за пределами Земли на 25-й г. Промежутка живёт до 30% людей. Резко поднимается рождаемость – она составляет для Человечества в среднем 5,7 ребёнка на женщину. Полностью отступили практически все болезни. Однако люди никак не могут осуществить на практике официально заявленную сверхзадачу Империй – прорыв к звёздам. Разработанные и безукоризненные в теории возможности гиперпереходов необъяснимо не работают на практике. Три отправленные «дальние» экспедиции на новейших околосветовых факельных кораблях быстро теряют связь с Землёй и пропадают бесследно в безднах Космоса. Возникает солидно обоснованная теория о принципиальной невозможности межзвёздных перелётов. У сторонников их возможности в качестве аргументов остаются лишь систематизированные легенды и, впрочем – совершенно неоспоримые развалины Города Рейнджеров на Хароне. Человечество всё активней терраформирует потенциально пригодные планеты (Луна, Марс, Венера) и Луны планет-гигантов (Ио, Европа, Ганимед, Каллисто (Юпитер), Титан (Сатурн), Титания (Уран), Тритон (Нептун), Эрида, Макемаке (Пояс Астероидов)). Запускаются первые «межпланетные острова» (огромные спутники с искусственными «внутренними» гравитацией и солнцем, имеющие население в 5—50 тыс. чл.). Начинается серьёзная научная и общественная дискуссия о создании на основе Солнечной Системы т. н. «Сферы Дайсона». Примерно в это же время серия трагических происшествий с андроидами заставляет Человечество внести работы в этом направлении в Протокол Оттава (25 г.).

Экспансия – 5 лет

Постоянно происходящие во Вселенной метаглобальные процессы, неспешные, но неотвратимые (так называемый «Откат Медленной Зоны» и возвращение «рукава» Галактики, в котором расположена Солнечная Система, в пределы постоянной и уверенной доступности телепортационного эффекта – откуда Солнечная Система вышла около 1 500 000 лет назад), неожиданно делают возможным практическое осуществление ранее проработанных теоретически, но срывававшихся на практике гиперпереходов. Человечество получает возможность широкого выхода в Дальний Космос. За короткие сроки оно осваивает несколько десятков Планет и Лун, становится активным «игроком» на всегалактической политической, культурной и торговой «сцене», но всё чаще и чаще наталкивается на противодействие Четырёх Рас (сторки, джаго, дайрисы, нэйкельцы), управляющих всеми сторонами жизни в Галак-

тике и охваченных тревогой по поводу землян. Земляне с их стремлением к справедливости кажутся Четырём Расам опасными и непонятными. В свою очередь земляне приходят к выводу, что полтора миллиона лет назад произошли какие-то события, подтолкнувшие Галактику к развитию в неправильном русле и именно тогда их легендарные предки-Рейнджеры успели переселиться в Солнечную Систему, а их, землян, долг и судьба – восстановление справедливости в галактических масштабах. В 1 году подписан Пакт Десятой орбиты (на «космическом острове» за орбитой Плутона Императорами Русской и Англо-Саксонской Империй был подписан пакт, согласно которому при освоении космоса жителям обеих Империй разрешалось без ограничений (за исключением ограничений в управлении колониями) проживать, работать и т. д. на территории друг друга.)

Первая Галактическая Война – 25 лет

Наспех созданный Альянс Четырёх Рас, воспользовавшись сразу несколькими поводами, начинает войну с Землёй, принудив к ней так же множество рас, в той или иной степени подконтрольных членам Альянса. Тем не менее, земляне, тоже активно готовившиеся к неизбежной войне, наносят врагам целый ряд ошеломительных, сокрушительных поражений. На их сторону переходит множество представителей многих рас, связывающих с Землёй надежды на освобождение своих народов от жестокого гнёта рас Альянса. Но постепенно победное наступление землян захлёбывается – они оказались просто не в состоянии оценить размеры вражеских владений и ресурсы врага. Бесконечно растянутые и всё более и более растягивающиеся фронты и нехватка бойцов заставляют землян в 8—11 г. г. П.Г.В. перейти к обороне и надеяться на старательно подготавливаемые во вражеских тылах восстания покорённых рас. Длительная и изнурительная для обеих сторон позиционная война прерывается в 15—17 г. г. П.Г.В. массированным наступлением сил Альянса. С тяжелейшими боями земляне отступают всё дальше и дальше и в начале третьего десятилетия войны оказываются заперты всего в нескольких планетных системах. Однако в ответ на предложения Альянса о сдаче Земля объявляет ему тотальную войну и, за кратчайшие сроки сформировав новые, буквально всенародные, армии, наносит врагу «удар отчаянья». Высота и изоцирэнность военного планирования, мужество бойцов и усталость врага, тоже всё поставившего на одну карту, позволяют Земле в одной грандиозной операции фактически лишить Альянс подготовленной армии и почти лишить – военного и транспортного флота. На сторону Земли уже официально переходят сразу несколько сильнейших подчинённых рас Альянса (скиутты, иэни, нэрионы, гаргайлианцы). Земные флоты готовятся к атаке почти всех «материнских планет» врага. Ошеломлённый, начавший распадаться от обострённых поражением внутренних противоречий, охваченный восстаниями подчинённых рас, Альянс просит мира и капитулирует перед Землёй, лишившись не только уже столь близкой победы, но и значительной части своих территорий.

Галактическая Эра

Полностью сложился фактически новый тип человека: высокоморальный, физически сильный, психологически устойчивый, одновременно крайне индивидуалистичный и общественный, крайне жадный до знаний и обладающий обострённым чувством справедливости *Ното Сарьенс Галактис*. Двудеиная Имперская Земля занимает фактически главенствующее место среди прочих звёздных рас. Земляне ведут неуклонную экспансионистскую политику, ориентируясь на чёткие и ясные критерии Правды, Справедливости и Чести и постепенно завоёвывают искреннюю приязнь и доверие даже некоторых своих непримиримых ранее врагов. Среди землян всё шире распространяются – как подконтрольно, так и спонтанно – необычные свойства и умения. Видимо, близок скачок на качественно новую ступень существования

1. ЧТО ТАКОЕ НОВЫЙ ГОД?

*Куда летишь? Дальше, ну куда ж еще.
Олег Медведев.*

31 декабря 2 г. Экпансии. Земля. Новгород Великий. Поздний вечер.

На 24 ч. 00 мин. 30.01.03 г. Экпансии

на территории непосредственно Земли находится следующее количество Чужих —

Цель пребывания	Количество особей Помечено: * - установленные точно разведчики ** - подозреваемые в работе на разведки
Дипломатические миссии	672 (*212) (**102)
Культурные делегации	217 (*104) (**27)
Научные делегации	164 (*18) (**26)
Торговые миссии	340 (*56) (**20)
Индивидуальные торговцы	280 (*11) (**78)
Туристические группы	1545 (*67) (**202)
Индивидуальные туристы	818 (*1) (**207)
Члены экипажей космических кораблей	996 (*11) (**14)
Религиозные миссионеры	32 (*-) (**20)
Беженцы без иного статуса	1685 (*51) (**186)

ИТОГО: 6794

Из совместного ежедневного отчёта КГБ РИ и SJSS АСИ.

* * *

Скиутт выглядел странно. Настолько странно, что действительный тайный советник Веденеев то и дело ловил себя на отчётливом понимании: он ведёт себя, как любопытный ребёнок. Маленький и плохо воспитанный. Но очень трудно заставить себя сохранять обычное спокойствие, если напротив тебя на мягком сиденье длинной, с большим удобным салоном, представительской «волги» сидит двух с лишним метровый... волк. Причём волк в чёрной широкополой шубе на меху, высоких четырёхпалых перчатках из чешуйчатой кожи какого-то нездешнего загадочного зверя (или, может, птицы или рептилии, кто его знает?) и меховых сапогах с резными отворотами и толстой подошвой, окованной серебром. Голова волка упиралась в высокую крышу неспешно и бесшумно катившего по окраинной улице столицы Русской Империи автомобиля.

Следящий Рассказчик и Устроитель Стаи Скойу Храу-Гар-Эрр – проще говоря, полномочный представитель скиуттов, посол Стаи на Земле – с интересом смотрел за одностороннее окно на то, как снаружи идёт, временами начиная кружиться в налетающих порывах ветра, снег. Его совершенно очевидно мало интересовали пляшущие вдаль, за Волховом, над центром столицы причудливые световые миражи, то и дело складывавшиеся в яркие весёлые картины – или наоборот, рассыпавшиеся на них. Снег был куда интересней. На его родной планете он выпадал, но скиутт покинул родину очень давно, он уже говорил об этом (говорящий волк!), и вообще он видел снег «до Земли» только в фильмах и на снимках. Поверить до конца в возможность существования гигантского говорящего волка, чья раса летала в космосе ещё

когда на Земле чух-чухали первые паровые двигатели – было сложно даже такому опытному дипломату, как действительный тайный советник Веденеев.

Впрочем... человеческая дипломатия – вещь, к удручающему и опасливому сожалению, невероятно куцая, как выяснилось совсем недавно. Ведь ещё всего-то во время позапрошлого Нового Года он, Михаил Михайлович Веденеев, 52 года, один из лучших работников МИД РИ, за праздничным ужином в кругу семьи и близких друзей вообще поднял тост за грядущий запуск программы «Дайсон»¹ и лично за её руководителя (старый друг Борька как раз присутствовал). И, когда девятилетний Алёшка, один из внуков Веденева, вдруг очень воспитанно попросил слова и, встав с бокалом в руке, упрямо сказал в снисходительной, но тут же ставшей удивлённой тишине: «А они всё равно есть!» – Михаил Михайлович только улыбнулся и первым поднял свой бокал, отдавая должное упрямству мальчика – очень тоненького, очень твёрдо-прямого и очень бледного от решимости. Ну не спорить же было, в самом деле, с детским запалом, подкреплённым только полусказочной верой?!

Кто бы мог подумать...

...Хотя, кстати, дети-то как раз принимают самых разных инопланетян, как должно. А как иначе, если они – **есть**?! И в то, что их нет, верили только взрослые, но все ведь знают, что взрослые часто ошибаются... Конечно, Чужие не бродят по улицам земных городов толпами, но они не такая уж и редкость. Действительный тайный вспомнил, как этим летом, в июле, до него напрямую дозвонился атаман какой-то забайкальской станицы и, по-настоящему заикаясь от волнения, сказал, что в станице по улицам ходит инопланетянин. Настоящий. Похож на высоченного бесхвостого кота в сарафане и халате. Пока Михаил Михайлович переваривал эту новость, на том конце подключился младший сын атамана, одиннадцатилетняя курносо-лохматая Уверенность и, поздоровавшись, сообщил: да, точно так и есть, и это самец трианий. Уже определено точно.

Трианий оказался добродушным, излишне любознательным и не очень сообразительным туристом, к тому же по-русски знавшим только десяток слов. Когда спецборт наконец забрал, то пришлось грузить и три корзины подарков, а до трапа слегка ошалелого, но довольного «кошкопланетянина», вдобавок ещё и поддатого от вишнёвой наливки – провожало пол-станцы. У себя на родине, как потом выяснилось, трианий отзывался о землянах крайне бурно, очень положительно, почти с восторгом.

И так хочется надеяться, что это – навсегда. Что вот так и будет. Что Луна-11 на самом деле была недоразумением², а вейты – просто пиратами³... Хочется надеяться, что это – правда... хотя логика, разум и факты упрямо говорят другое. И нельзя верить надежде... вот только обидно за Алёшку. Он на самом деле верил, что в Космосе не может быть зла.

Впрочем – он и сейчас верит, что это Зло – всего лишь враг, которого надо одолеть, чтобы ярче сияли звёзды. Наверное, так верят все дети Человечества...

...И всё-таки Веденеев невольно улыбнулся воспоминаниям... и спохватился – скиутты крайне нервно относились к улыбкам. Но Храу-Гар-Эрр то ли предпочёл не заметить улыбки

¹ Когда в период Промежутка сорвались все попытки Земли установить связь с Большим Космосом, решено было начать подготовку к запуску программы «Дайсон» – глобальному переустройству всей Солнечной Системы (не отдельных планет). По предварительным расчётам, программа должна была быть закончена полностью примерно через восемь веков.

² В самом начале 2-го года Экспансии первый же контакт землян с инопланетянами обернулся сражением. Сторкадский рейдер атаковал земную колонию Луна-11. Атака строков была отбита с большими для них потерями, почти сразу же сторкадские представители стали уверять землян, что это была трагическая ошибка. Впрочем, обмануть Землю им не удалось. Именно после этого инцидента вёдшаяся с самого начала Экспансии усиленная военная подготовка Империй обрела ясную цель и резко ускорилась – было ясно, что Земле рано или поздно придётся воевать с очень сильным противником.

³ 28 ноября 2 г. Экспансии вышедший у Весты из гипера линкор расы вейтов попытался атаковать рудники. Патрульный корвет ВКС РИ «Прометей» под командой капитан-лейтенанта Прохорова потребовал от незваных гостей убраться, когда же требование выполнено не было – уничтожил врага, остроумно использовав для этого один из небольших астероидов (превратив его фактически в заряд ракетчи ракетным ударом)

землянина, то ли на самом деле её не заметил. Повернувшись к человеку (движение было неловким, шея скиуттов была не так подвижна, как человеческая), он вернулся к разговору о месте, где они были каких-то полчаса назад – о передвижном цирке, показывавшем новогоднюю программу.

– Всё же смысл этого зрелища мне совершенно непонятен, – скиутт говорил по-русски очень правильно, легко находя слова, но неистребимо раскатывая «р» и почти глотая «х» и «ф». – Я понимаю корриду, фоксхантинг и бэрэнбайтинг, охоту с рогатиной – более того, у нас тоже существуют и приветствуются подобные вещи. Я отлично понимаю использование животных в – как это? – утилитарных целях, хотя и в меньшей степени; это вызвано тем, что вы, люди, сами по себе слабей множества своих соседей по планете, а запросы и потребности у вас большие. Но к чему эти фокусы, лишённые и демонстрации мужества, силы, ловкости – и практической пользы? Чтобы показать всем, и себе в первую очередь, что ваш разум мощней разума животных и вы можете заставить их выполнять самые нелепые прихоти? Но это и так ясно. Всем ясно. Какое-то детство в этом... как это?.. сквозит.

– Ну, если вы обратили внимание, почти все зрители на представлении – как раз дети, причём маленькие дети, – напомнил Веденеев. – И, если бы вы понаблюдали за ними внимательней, то увидели бы, что их восхищает не столько то, как человек ловко заставляет подчиняться тех, кто больше, сильней, свирепей – а скорей то, какие умные животные перед ними. Детям свойственно очеловечивать любое живое существо и считать его реакции, побуждения, чувства – человеческими.

– Но это нелепость, – скиутт склонил голову вправо, его уши дёрнулись вперёд-назад. – Ребёнок неизбежно вырастет и поймёт, что даже собака или конь – намного глупей, чем он, а виденное им на представлении – всего лишь изошрённая дрессировка. Тогда к чему эта возня с детскими реакциями на детские забавы?

– Да потому, что детям это нравится, – пояснил Веденеев. – Почему бы не доставить им удовольствие? Наши дети любят животных. И поверьте, когда мальчик играет с собакой или девочка возится с котёнком – они меньше всего думают о том, как велик их разум. Они просто находят радость в общении с друзьями. И, повторяю, любой из них скажет вам, и очень горячо скажет, что и собака и котёнок – ну ничуть не глупей людей. Даже умней.

– Но ваши дети и убивают животных, – сказал Храу-Гар-Эрр. – Я видел это не далее как на этот праздник... Корочун⁴

– А вам кажется, что в этом есть какое-то несоответствие? – улыбнулся Веденеев. – Нет ничего глупей, чем абсолютизировать и идеализировать жизнь и называть это «добротой». Природа вовсе не добра – она убивает и рождает каждую секунду. Знаете, наша раса уже сделала когда-то ошибку, возведя на пьедестал всеобъемлющий абстрактный гуманизм – и тяжко поплатилась. В первую очередь, что странно – массовым ростом немотивированной жестокости. Люди, которые не могли зарезать курицу, более того – с возмущением отвергавшие саму мысль об этом процессе – находили удовольствие в садизме самых разных видов. Дети, ни разу в жизни не выстрелившие на охоте, избивали более слабых ровесников и издевались над ними. И чем глупей и старательней пыталось человечество убежать от своего естества – естества бойца, путешественника и покорителя – тем страшней и изошрённей мстила Природа. Чем это закончилось – вы, я думаю, всё же знаете.

Храу-Гар-Эрр, внимательно слушавший землянина, очень по-человечески вздохнул – громко и разочарованно:

– Мне трудно это понять, – признался он честно. – У нас просто никогда не было таких парадоксов в развитии. Вы на самом деле парадоксальная цивилизация, вас очень интересно

⁴ Корочун – ночь с 22 на 23 декабря, древний сакральный праздник зимы. Начало недели новогодних праздников. У англосаксов – Йоль.

изучать. Я вам даже скажу – очень многие у нас, – он поднял глаза, – считают, что вы не договариваете и прячете от чужих значительную часть вашего бытия. Я не о технике или военных секретах. Я о бытовой стороне вашей жизни.

– Нет, – покачал головой Веденеев. – Я понимаю, что слово «нет» для вас есть просто слово... но – нет. Не прячем и не скрываем. Незачем. Поверьте. Вы ведь смотрели «Плотины наших отцов»⁵?

– Конечно, – буркнул скиутт. Вопрос был в общем-то праздный – эту ленту показывали всем работникам инопланетных миссий на Земле практически в обязательном порядке. – Много из того, что было показано в этом фильме, лично я просто не мог понять без разъяснений. Именно это и зародило в некоторых из нас сомнение – как могла раса, поражённая таким количеством противоестественных и нелепых, смешных и ужасных безумств – стать тем, что нам демонстрируете вы сейчас?

– Когда-то давно, – Ведеев смотрел, как за окном проплыла – в свете и шуме – одна из многочисленных самодельных площадок, на которых отмечали наступающий праздник самодеятельные коллективы. Смех, огни, выкрики – и снова синевато-серебряный снег в лунных искрах, и чёрный парный след лыж на этом драгоценном покрывале... – ...так вот, когда-то давно самые лучшие клинки ковали так: полосу металла закапывали в землю на недели. Перековывали и снова закапывали. Отрывали и опять перековывали... и так металл мучили до тех пор, пока ржавчина не выедала из него все слабые и нестойкие частички. Возможно, наша история похожа на процесс такойковки, кто знает? Я – не знаю. Я могу только сказать, что мы показываем вам правду. **Всю** правду.

Скиутт снова посмотрел в окно, а Веденеев в очередной раз подумал, что сама манера поворачиваться у этой расы словно бы таит угрозу. Среди землян поворот всем корпусом означал крайнее раздражение или гнев. И приходилось себе напоминать про анатомию...

– А вот ваш праздник мне вообще-то нравится, – сказал Храу-Гар-Эрр. – Очень весёлый праздник. Хотя я опять же не понимаю, почему Новый Год празднуется у вас так странно – в конце первого месяца вашей зимы. Нелогично.

– На самом деле, всё вполне логично, – ответил Веденеев. – В эти дни приходит на землю самая длинная ночь, а потом постепенно начинает уступать дню. И на небе особые положения занимают созвездия. К календарным датам это имеет очень маленькое отношение.

– Вот как... – задумчиво протянул скиутт. – Тоже загадка. Вы, земляне, совершенно не суеверны...

– Мы не заметили, чтобы религии имели большое распространение в Галактике, – возразил Веденеев. Храу-Гар-Эрр покосился на него:

– В вашем понимании – нет, насколько я успел узнать историю ваших религий... Но я о бытовом уровне. Моя раса, к примеру, весьма суеверна... Так вот, при почти полном отсутствии у вас суеверий, вы тем не менее огромное значение придаёте традициям и обрядам.

⁵ «Плотины наших отцов» – художественно-публицистический фильм, снятый крупнейшей кинокомпанией АСИ «Темза» во 2—4 г. г. Реконксты. Название фильма взято из стихотворения Кипплинга, это первое, что видит зритель на экране в начале каждой серии – алые буквы, плывущие на чёрном фоне под удары колокола: **...мы изменили заветам отцов — И убили своих сыновей...** Каждый фильм посвящён одно из глобальных проблем Века Безумия: пацифизму, фрейдизму, социальному либерализму, витафилии, «свободному воспитанию» детей, мачизму, чайлдфризму, «свободному искусству», феминизму, насильственной детской сексуализации, «историческому покаянству» белой расы, гомосексуализму, хлоплофобии, «чревонестовству», авраамическим религиям и ксенофилии. Фильмы состоят каждый как бы из трёх часовых серий. Первая – научная, в которой объясняется, что собой представляет данное явление и чем оно опасно для людей и общества. Вторая – политическая, где рассказывается, кем, почему и зачем это явление поощрялось. Третья – художественная, фильм, рассказывающий о судьбах каких-то отдельных людей, затронутых этим явлением. Все фильмы заканчиваются картиной растущего над городом ядерного «гриба» и волны пламени, поглощающей мир. Художественные части фильмов были полностью созданы при помощи компьютеров, так как не было сочтено возможным подвергать психику живых актёров риску съёмками в подобных лентах. Фильм был передан так же в РИ и переведён на русский язык.

– Скорей они придают нам огромное значение, – вроде бы в шутку, но в то же время серьёзно ответил Михаил Михайлович. Скиутт снова посмотрел на него – уже внимательно, задумчиво. Непонятно ответил (Веденеев взял эти слова на заметку):

– Да, есть и такая точка зрения, но она мало распространена... Я знаю несколько рас, которые сделали из своих традиций и обрядов весёлые и не несущие смысла праздники, а другие – средство получать деньги со зрителей. Я знаю и расы, которые формально оценивают с точки зрения традиций каждый свой шаг. Наконец, есть и расы, вообще предавшие традиции забвению. И для вас опять не находится места в общих рамках.

На этот раз промолчал землянин. Храу-Гар-Эрр удобней устроился на сиденье, одобрителем заметил:

– Очень хорошая машина. Кстати, я весьма благодарен вам за то, что вы выделили транспорт именно такого размера... И ещё кстати, о тайнах. Например, вы ведь не передадите и даже не продадите нам чертежи двигателя, который работает в этом автомобиле?

– Вы заводили разговор не об этих тайнах, – Веденеев подавил усмешку. – Передача подобных тайн не открытость, а глупость. Не следует смешивать сметану и перец... В свою очередь кстати – я поражён тем, что у вашей расы в массовом ходу паровики.

– Так сложилось исторически.

– А ваши соседи и... союзники не спешат делиться технологиями?

Кожа на носу скиутта чуть сморщилась. Он положил... лапу?... руку на руку на левое бедро, поиграл пальцами. Потом, подумав, неожиданно достал из кармана шубы и продемонстрировал землянину с откровенной гордостью небольшой предмет – это была явная попытка уйти от разговора, но в то же время искреннее желание похвастаться редкой вещью, и Веденеев не стал возвращаться к теме союзников.

– Приобрел случайно в одном магазинчике, торгующем редкостями, – пояснил Храу-Гар-Эрр, демонстрируя покупку. – Немного странное оружие, и не по моим рукам, но меня прельстила оригинальная идея, а главное – замечательная сталь. Я в этом понимаю хорошо, так вот, эта сталь – лучшее из всего, что мне встречалось в Галактике.

Веденеев вновь с трудом сдержал улыбку. В руке... да, в руке Храу-Гар-Эрр с гордостью держал раскрытую опасную бритву. Видимо, начала XX века – но в отличном состоянии.

А скиутт отчётливо насторожился. Представителей его расы очень трудно было обмануть – они «ловили» эмоции собеседника по неосязаемым для людей запахам.

– Что-то не так? – отрывисто спросил он – ясно проявился лающий акцент.

– Вы действительно купили редкую и старинную вещь из отличной стали – это изделие мастеров Золингена, даже сейчас то качество клинковой стали нами не достигнуто, – пояснил землянин. – Но... извините, эта вещь могли использоваться, как оружие, однако изначально – это не оружие. Это опасная бритва.

– Опасная... **бритва?** – скиутт с изумлением посмотрел на предмет в своей руке, словно впервые его увидел. – Инструмент для удаления волосяного покрова с лица вашими самцами?! Поразительно... но постойте, я видел старые бритвы, которыми вы пользовались до появления у вас крема-депилятора, они совершенно не похожи... Это же настоящий нож, причём очень удобный для вашей руки!

– То, что вы видели – это безопасные бритвы или даже электрические, – терпеливо пояснил землянин. – Опасными бритвами пользовались гораздо раньше. Это в самом деле редкость и она на самом деле из замечательной стали, – повторил Веденеев утешающим тоном. Скиутт рыкнул – но, похоже, не зло, даже не сердито, а весело. Покрутил бритву в пальцах.

– Подумать только... – и заметил: – Но, пожалуй, в этом случае приобретение ещё более ценно. Кстати, это тоже совершенно непонятный мне обычай – с волосами. И снова – если бы ему следовали все, то...

– А это каждый решает сам для себя, – пояснил Веденеев. – Есть и сейчас народы, у которых ношение бороды является традицией. Или усов без бороды. Есть группы людей, у которых усы или борода или они вместе – традиция службы. Есть, наконец, женщины, которым нравятся мужские борода и усы, – скиутт выразил весёлое изумление всем своим видом. – Изначально усы и борода резко подчёркивали различие между мужчиной и женщиной, потом напротив – стали считаться атавизмом... Вообще-то это сложная и многоплановая тема.

– Какое счастье, что она неприложима к моему народу, – серьёзно заметил Храу-Гар-Эрр. – В далёком прошлом у нас на материнской планете существовала опасная эпидемическая болезнь... я не знаю, было ли у вас что-то аналогичное. Начиналась она с того, что облежала шерсть и передавалась буквально со скоростью дыхания. От неё вымирали целые страны. Позднее мы научились управлять иммунитетом и победили её, но и сейчас иногда бывают отдельные случаи у почему-либо сильно ослабевших и потерявших волю к борьбе скиуттов. В древности, кстати, всерьёз говорили, что эта болезнь первыми забирает тех, кто испугался её. Впрочем, это было достаточно разумное наблюдение – страх ослабляет волю к жизни.

– Да, это так, – задумчиво согласился Веденеев.

Вдали за городскими кварталами, погружёнными в полутьму (мало кто сейчас праздновал дома – вернутся к полуночи) ослепительно, но в то же время уютно сверкало огнями полшарие Императорской Консерватории. Навстречу машине по боковой дорожке проскочила цепочка мальчишек и девчонок – легко одетые, они стремительно бежали на лыжах, ровно, ритмично взмахивая руками с зажатыми палками, и, казалось, снегопад расступается перед ними, давая дорогу. Храу-Гар-Эрр смотрел им вслед, и его взгляд был странным – настолько странным, что Веденеев спросил прямо:

– Вам не нравятся наши дети?

– Не нравятся? – скиутт задумался. – Нет... я... скорей это странно. Их реакция на меня. Видите ли, мы, скиутты, считаемся по меркам Галактики... довольно страшными существами. Практически уже внешне. Так вот – я ни разу не видел, чтобы ваши дети меня испугались. А вот посмотреть вблизи, даже потрогать – таких случаев была масса. Причём это был очень доброжелательный, восторженный интерес. Как... – скиутт замолчал, но Веденеев беззлобно дополнил:

– Как к большому плюшевому волку.

– Да, – в голосе скиутта оказалось немного смущения. – Я был поражён... – видимо, не желая ещё явственней продемонстрировать смущение, он снова повернулся к окну. Понаблюдая полёт снежинок (автомобиль ехал медленно, проплыли кованые перила одного из мостов через Волхов) и задумчиво произнёс: – Зима... всё-таки очень странное время. Непонятное.

– Вы ведь не видели зиму?

– На моей родной планете зима была... но я очень плохо помню это. А позже... нет, как-то не приходилось. Сейчас думаю – это тоже даже странно, что я впервые снова увидел зиму на вашей планете, хотя посетил их немало...

– У нас многие не любят зиму – почти на генетическом уровне, после Безвременья. Но многим она и нравится. Особенно детям.

– Поразительно... – голос скиутта был медленным и негромким. – На вашей планете ещё живы те, кто помнит время, когда всё вокруг было покрыто снегом, и люди забыли, что такое уметь читать и писать... Я ведь прав?

– Более того, – подтвердил Веденеев, – жив ведь и кое-кто из поколения, которое учили в школах, что лгать, подличать, красть – достойно и что это называется «успешностью». Именно это и привело к гибели прежнюю цивилизацию. Они очевидцы этого и живые свидетели прошлого краха.

– Тем странней вся ваша ситуация. Нам, скиуттам, пришлось пережить немало, но ни разу наша раса не стояла на краю полной гибели.

– Даже когда сторки уничтожили вашу материнскую планету?

Голос человека был спокойным. Скиутт напрягся, прижал уши и дёрнул щеками. Но ответил тоже спокойно:

– Даже тогда, именно. Мы в те годы жили уже на множестве планет. До космической эры наши войны никогда не выходили за пределы одного-двух континентов. Хотя в них несколько раз применялось атомное оружие – может быть, именно поэтому мы стали относиться к нему осторожней... И всё-таки я удивляюсь тому, что вижу у вас. Вы настолько уверены в прочности достигнутого вами – тем более, что, как вы сами признали, живы те, кто помнит, как уцелевшие люди ели человеческое мясо?

– Люди никогда не ели человеческого мяса, Храу-Гар-Эрр, – тихо ответил Веденеев. – Они уничтожали тех, кто его ел. И они – да! – помнят это. Поэтому мы – да! – уверены в прочности достигнутого нами.

– Вам известна судьба независимого Нарайна? – резко спросил скиутт.

– Известна, – голос Веденева был спокоен. – Очень хорошо известна. Это угроза? Или предупреждение?

Скиутт откинулся глубже в мягкую податливую спинку сиденья. Буркнул – казалось, не имевшее отношения к разговору:

– Мы не рабы сторков, а их союзники. Мы воины. Народ воинов. Нам доставляет удовольствие война – как процесс, победа – как результат.

– Тогда почему вы вспомнили о Нарайне и почему сделали это именно в разговоре с землянином?

– Потому что ваш опыт, которым вы гордитесь и из которого делаете выводы на будущее, причём не только своё – он крохотен. Опыт Нарайна – был намного больше. И они шли тем же путём. Совершенно тем же путём, что и вы, земляне.

– Послушайте, Храу-Гар-Эрр, – в голосе человека прозвучал смешок, и скиутт его уловил. – Вы действительно народ воинов. Поэтому ваши попытки играть в слова выглядят так же нелепо, как если бы принялся говорить с вами о торговых контрактах. Говорите прямо.

– Сторки ценят нас, – скиутт чуть повернулся – снова всем корпусом, тяжело. – Это не самоутешение, это – правда. Когда Стая проиграла войну Сторкаду, мы были готовы к гибели. И были очень удивлены, когда их неожиданные посланцы заговорили о мире и союзе. Так вот, они – ценят нас. Если мы скажем, что готовы вступить в союз с Землёй – союз, который ничем не свяжет вас кроме клятвы никак не затрагивать интересы Сторкада – они согласятся на это. И сделают вид, что они тут ни при чём. Альянс, который вас так беспокоил – не отрицайте это, беспокоил, это правильно! – станет мертворождённым детищем, выкидышем страха перед непонятной Землёй. В космосе множество отвратных существ и бессмысленных в разрушении рас. У вас будет обширное поле деятельности. Причём в рамках вашего понимания справедливости. И Сторкад поддержит вас. Как поддерживает нас.

– Чтобы придти на расчищенные, вспаханные, засеянные и политые нами поля и снять урожай? – жёстко спросил землянин. – Как это бывает с вами?

– Лучше так, чем иначе, – не менее жёстко парировал Храу-Гар-Эрр. – Лучше Сторкад, чем другие. Вы никогда не задумывались, почему у Сторкада столько союзников? Почему их почти нет у Джагана и совсем нет у Нэйкели и Дайрона – только рабы? Вы задавали себе вопрос не о целях Альянса, а о целях каждой из четырёх входящих в него рас в отдельности? Вы удивитесь и, конечно, не согласитесь со мной – но подумайте: сторки в сущности защищают десятки слабых рас от намного большего зла, чем они сами...

– Давайте остановим машину, – неожиданно предложил землянин, нажимая кнопку на подлокотнике своего кресла. – Я хочу поговорить вон с теми детьми. А потом мы продолжим наш разговор, хорошо?

– К двенадцати ночи мне надо быть в... – начал скиутт, не без труда выбираясь из машины и с явным удовольствием распрямляясь во весь свой гигантский рост и даже чуточку разведя в сторону руки. Но Веденеев весело его перебил:

– Я помню – вам обещали показать настоящий русский Новый Год! Мы успеем. Не волнуйтесь. Лучше посмотрите туда.

На большой площадке, освещённой длинными направленными лампами по углам – видимо, летом это было футбольное поле или что-то вроде этого – с левой стороны которого шла сплошная стена кустов, а с правой начинался обрыв к Волхову, высилась снежная крепость. На самом деле высилась – не меньше чем на рост скиутта, а с башнями – ещё выше. Над центральной башней развевалось под ветерком с реки зелёное с белым воющим волком знамя. Скиутт с интересом отметил, что на стенах крепости видны и защитники... вот только от кого они...

– На штурм! – звонко и воинственно прокричал кто-то. Из-за кустов стали выпрыгивать мальчишки – по двое, один швырял снежки, второй прикрывал его и себя большим фанерным щитом и держал запас боеприпасов. Над атакующими гордо развевалось другое знамя – чёрное с золотым мечом. В снежной крепости пронзительно-металлически, тревожащим живым голосом, завизжал рожок.

– Уррраааа! – весело гремел единый – со стен и от атакующих – вопль, от которого скиутт вдруг ощутил – всего на миг и очень легко! – какое-то... ну... скажем так – странное чувство. Он бы сказал, что это была напряжённая робость, если бы это не было совершенно и предельно смешно. В воздухе повисла бешеная белёсая завеса летящих с обеих сторон снежков. Храу-Гар-Эрр с интересом наблюдал, как на ходу атакующие (кое-кого снежки доставали, скиутт не мог понять, какие у игры правила – и не очень стремился к этому) превращали щиты в лестницы, и по ним стремительно карабкались – уже размахивая деревянными мечами – на стены штурмующие. Их снова и снова сбрасывали вниз; около флага на башне закипела яростная схватка, но в конце концов атакующие отхлынули обратно к кустам и принялись перегруппироваться, ведя беспокоящий обстрел неприступных стен. Рожок внутри снова взвизгнул – явный сигнал, потому что из крепости тоже гуще полетели снежки. Наверное, защитники готовили вылазку. Но как раз в этот момент мальчишки начали замечать идущих к ним незнакомцев, один из которых был – нечеловеком. И – а их было много, не меньше шести-семи десятков, от 8—10 до 12—14 лет – прекратили игру, поспрыгивали со стен, отошли от кустов и с выжидательным интересом стянулись разом все к подходящим скиутту и человеку, тихо шушукаясь между собой, на ходу отряхивая снег и бросая на Храу-Гар-Эрра полные восторженного любопытства взгляды. В глядящих на них десятках разноцветных глаз не было и следа страха или хотя бы настороженности, опаски – дети просто-напросто не умели бояться чужих; уже, наверное, и дедам большинства из них был совершенно неведом этот тягучий страх, отравлявший жизнь, отравлявший каждый шаг целых поколений не столь ещё давних веков. Мальчишки были легко, тепло одеты, однако верхние курточки, бекеша, короткие полушубки почти у всех оказались распахнуты – от игры всем было жарко. Почти ни на ком не было головных уборов и перчаток или рукавиц – многие грели руки, дыша на них, видимо, машинально; кто-то всё-таки доставал из карманов перчатки, но при этом не сводил любопытных глаз с подошедших к ним. Свет парковых фонарей выхватывал на груди у многих ребят алые, как живое пламя, галстуки... Впрочем, у одного галстук был зелёным, как весенняя юная трава – англосакс, конечно; на груди у него Храу-Гар-Эрр увидел небольшой костяной с медным раструбом рожок на тонком кожаном ремне...

(...пройдёт десять лет, и Храу-Гар-Эрр долго-долго будет слушать, как в окружённом укреплении землян на далёкой планете непримиримо взвизгивает и потрескивает рожок. И потом, после окончания штурма, тоже очень долго будет стоять над искромсанным телом офицера-англосакса, с подступающим ледяным ужасом понимая, что он

помнит этот рожок – стиснутый в раздробленной алой руке – и изо всех сил пытаюсь себя убедить, что это просто похожий инструмент, что такой есть у каждого младшего офицера землян...)

– Здравствуйте, – первым сказал рослый русоволосый паренёк с непокрытой головой, в густых длинноватых волосах которой тут и там искрились снежинки. Следом за ним быстро и шумно начали здороваться остальные, тесней и ближе смыкая любопытное живое кольцо вокруг взрослых землянина и инопланетянина.

– С наступающим! – не очень понятно громко крикнул ещё кто-то, этот возглас подхватили, Веденеев с улыбкой громко ответил:

– С наступающим! – а Храу-Гар-Эрр поинтересовался с искренним интересом:

– А кто их вас за Зло, а кто за Добро? – он не настолько хорошо знал историю Земли, чтобы обозначить стороны, и употребил эти категории.

Мальчишки дружно засмеялись – весело и снисходительно.

– А никто не за Зло, – пояснил тот же самый мальчишка. – Вон у нас флаг Волчьего Отряда, – он показывал без смущения, видимо, даже не думая, что взрослые могут посмеяться над игрой, – вон – Ордена Золотого Меча... а больше мы никак не делимся. Мы часто так играем зимой, уже много лет; я ещё не родился, когда отец уже так играл. Ну, в смысле, с наших улиц почти все мальчишки играют. При чём тут Зло? Мы не за зло, просто смотрим, кто храбрей, ловчей, мечте.

– Честные соперники, – понимающе кивнул скиутт.

– Ну да... А сегодня финальная битва – за весь год! До одиннадцати они нашу крепость точно не возьмут – и...

– Да конечно!

– Не поскользнись, разбежался!

– Через полчаса возьмём!

– Это у нас была разведка! Боем! – сразу завопили со всех сторон. Ответом были такие же возмущённые воинственные вопли – похоже, обе стороны всерьёз настроились оставить интересных, но непонятных гостей – и быстренько довоевать. Воздух стал почти потрескивать от накала воинственности. Но Веденеев громко сказал:

– Ребята! Тихо, пожалуйста! Наш гость хочет кое-что узнать!

Храу-Гар-Эрр удивлённо покосился на землянина. А на него, тут же перестав галдеть, уставились шесть десятков пар глаз – с полной готовностью помочь. Но спросил опять же Веденеев:

– Храу-Гар-Эрр спросил вас, кто из вас за Добро, а кто за Зло. А что такое по-вашему зло и несправедливость?

На несколько секунд стало тихо – тишина буквально звенела недоумённостью. Потом послышались робкие ответы – с разных стороны:

– Ну... это когда слабых обижают...

– Когда делятся нечестно...

– Когда говорят неправду и заставляют говорить неправду...

– Когда чужое берут...

– Когда детей отбирают у родителей...

– Когда нападают и воюют без причины...

– Когда в драке в спину... или лежащего...

Голоса детей были удивлёнными и неуверенными. Они хорошо знали в меру своего понимания, что такое зло, но никак не примеряли его к себе, своему миру и своему существованию – сами они никогда не сталкивались с такими вещами и не верили, что они могут быть в мире людей. Но чётко помнили, что есть что и теперь высказывали это. Явно удивляясь вопросу – зачем это нужно инопланетянину?!

– А можно дружить со злым и несправедливым? – задал новый вопрос Веденеев. На этот раз ответы были тоже удивлёнными – но уже совершенно определёнными:

– Нет, конечно.

– Нет, нельзя.

– Его надо вздуть, и всё. Чтобы исправился.

– А если он очень сильный? – предположил Веденеев, весело поглядывая то вокруг – на мальчишек – то на удивлённого Храу-Гар-Эрр.

– А злые не бывают по-настоящему сильными.

– Ага, по-настоящему сильный – у кого Правда.

– Простите, – вдруг сказал тот рослый парнишка, странно-требовательно глядя на скиутта, – но разве вы этого не знаете сами?

Храу-Гар-Эрр почувствовал, что сердится на Веденева. А тот по-прежнему выглядел странно-весёлым и не торопился помогать разобраться с вопросом.

– Космос очень велик, – ответил наконец Храу-Гар-Эрр. – Во многих местах живут иначе.

Мальчишки утихли, обмениваясь удивлёнными взглядами. Стоявший в переднем ряду мальчишка лет восьми заморгал и протянул:

– Жааалко их...

И, прежде чем скиутт, опешивший от этих слов – почти возмущённый – несмышлёный детёныш захолустного народца с окраинной планетки жалел **Галактику!** – сообразил, что ему ответить, старший мальчишка, чуть прищурившись, сказал внятно и отдельно:

– Значит, неправильно живут.

– А как правильно – вы знаете? – скиутт уткнул большие пальцы в плечи.

– Знаем, – коротко и спокойно ответил мальчишка.

И Храу-Гар-Эрр понял, что ему нечего сказать...

...Они долго махали руками машине – шли вдоль кустов всей толпой и махали, потом кто-то кинул в задний бампер снежком – так, на всякий случай – и Храу-Гар-Эрр увидел, как мальчишки побежали обратно к крепости, весело перекликаясь и делясь на два отряда... После этого он сел удобней и вперил в землянина пристальный взгляд:

– К чему этот этюд? – голос скиутта был раздражённым.

– А к тому, что даже дети у нас понимают то, чего не хотите понять вы, – пояснил Веденеев. – Нельзя обижать слабых. Нельзя делиться нечестно. Нельзя лгать и заставлять лгать остальных, брать чужое – нельзя. И молча одобрять всё это – тоже нельзя. И оправдывать всё это нельзя. Ничем нельзя. И никогда. Что от этого бывает – спросите тех немногих, о ком я упоминал. Кто помнит годы до Безвременья. Тут они вам всё хорошо объяснят. Всё на самом деле очень просто, Храу-Гар-Эрр. Кто усложняет эту тему – дурак или подонок.

– Вас – с женщинами, стариками и детьми – полтора миллиарда... – Храу-Гар-Эрр задумался и сказал – как ударил клинком, честно и прямо: – Вы задумывались когда-нибудь, сколько тех, кто, охотой или неволей, но будет воевать против вас?!

– А это всё равно! – весело, неуместно-весело, ответил Веденеев – Храу-Гар-Эрру показалось, что он опять говорит с мальчишкой. – Злые по-настоящему сильными не бывают. Вы же слышали.

– Вас раздавят!!! – прорычал, теряя терпение, Храу-Гар-Эрр. В рыке был не гнев – в нём было странное отчаянье.

– Вас это так огорчает? – теперь голос Веденева был холоден.

Храу-Гар-Эрр промолчал. На его... лице отчётливо читалось раздражение. Пожалуй, даже злость. Но не на землянина. Уж не на себя ли? Сделав резкое, но необычайно точное движение, он, словно бы ставя точку в разговоре, включил аудиоприёмник, встроенный в панель рядом с окном машины. В салон ворвался перебор двух гитар, как бы прошитый голосом флейты – и песня:

– Пой... вой... через ночь бежит опять домой
электричка...
и не хватает всегда родным прощальных слов...
Дом мой... у дороги двери мне распахнёт привычно —
Бог
мой поднесёт мне чарку из забытых снов!
Пусть
путь был кровав и бессмыслен, но...
не зря проделан!
Пусть
вдох сбережёт для нас последняя струна!
Дай
Бог,
чтобы каждый Брат сумел заняться делом —
пусть
нам светит Волчье Солнце – круглая Луна...⁶

– Кто это поёт? – всё ещё сердито, резко, но по-настоящему заинтересованно спросил Храу-Гар-Эрр.

– Не знаю, – пожал плечами Веденеев. – Это бард-рок. Какая-то молодёжная группа. Они часто возникают, часто распадаются, а спеть песню в эфире может каждый, он открыт для всех. Некоторые песни очень старые, другие – новые и скоро забудутся, третьи – новые и никогда не постареют, даже когда станут старыми, как первые... У нас есть ещё полчаса. Хотите что-то посмотреть ещё – или поедem на встречу? Вас будут рады видеть и задолго до срока.

– На встречу, если можно, – Храу-Гар-Эрр устроил голову удобней на глубоком подголовнике спинки кресла. – Я видел достаточно на сегодня.

– Теперь это надо обдумать, – понимающе сказал Веденеев и произнёс, щёлкнув тангентой связи. – В Консерваторию, пожалуйста.

«Волга» бесшумно набрала скорость и, взвихривая летящий снег по сторонам, помчалась к центру города – через праздник Нового Года, навстречу новому году.

* * *

(...пройдёт почти тридцать земных лет, и как-то Храу-Гар-Эрру зададут вопрос – в какой момент он принял решение перейти на сторону Земли?)

– Я симпатизировал людям с того момента, как узнал их более-менее хорошо. Но симпатии – это не жизненные принципы. И враги могут быть симпатичны. А что до твёрдого решения – оно пришло ко мне за полтора года до начала войны, когда я разговаривал в зимнем парке с вашими детьми. Они поразили меня ясностью и прямоотой души. Мне неожиданно стала непереносима даже мысль о том, что через какое-то время эти замечательные маленькие люди могут потерять веру и свободу, могут погибнуть, могут стать живыми игрушками в лапах отвратительных созданий, объектом диких экспериментов холодного и извращённого разума. В тот момент я предал всё, чему был верен до него. И ни разу не усомнился в правомерности своего предательства, поверьте...)

⁶ Из песни Кошки Сашки.

2. СЫН МОЕГО ВРАГА

*...Убивали мы, убивали нас,
И нужда росла из нужды...
...Мы помним вчерашние страшные дни,
Но каждый как бы забыл, Ч
то он – убийца моей родни,
Что я – его близких убил.
Невспаханный край со всех концов
Кричит, призывает к любви:
«Пусть мёртвый хоронит своих мертвецов,
А ты – для детей живи!»
Дж. Р. Киплинг. «Поселенец»*

Ночью прошёл дождь.

Это значило, что сезон дождей – первый его сезон дождей на этой планете – наступит со дня на день. Над единственным континентом, рассечённым горными хребтами на глубокие сырые долины, понесутся, сталкиваясь, вереницы туч, и будут поливать землю день за днём. Ущелья превратятся в реки, с рёвом и гулом выбросят в океан белые бивни потоков. Вся живность уже забралась повыше по склонам, и аборигены повсюду распахнули двери маленьких мрачных храмов – чтобы ритуально облегчить сход воды, после которого озёра на склонах наполнятся рыбой, а на пологих холмах у горных подножий вырастет толстый слой жёлтого ила...

Фантор⁷ Заант кен ло Хеерорд, ещё недавно – офицер сторкадского Флота, а сейчас – контролёр по снабжению – видел всё это только в записях. Скр'грр'ийл – такое название можно было выговорить только после тяжелейшей контузии, но иного у планеты не было, потому что не было настоящего Хозяина – ему определённно не нравился. Он вообще мог нравиться только местным *стчк* – о Пустота! – хм, жителям, которые вот уже пять миллионов лет тупо и счастливо пребывали в здешнем позднем каменном веке и совершенно не собирались из него выкарабкиваться. Вот уже лет тридцать (сторкадских лет, разумеется – каждый здешний вялый год равен двум годам Сторкада) валявшаяся – иначе не скажешь – на стыке Империй сторков и джаго, планетка рано или поздно была бы опустошена или теми или другими в ходе очередного пограничного конфликта, если бы не начавшаяся буквально на днях война с землянами.

Война в определённом смысле благодетельствовала планетку (мнение аборигенов не интересовало совершенно никого) – она внезапно и мгновенно стала важным узловым и перевалочным пунктом. И та же самая война мгновенно и до столбняка обидно поставила крест на военной карьере кен ло Хеерорда: неудачное нападение его эскадры на земной караван... и спокойное заключение врачей: к использованию в боевых условиях впредь не допускать.

Что ж. Такими, как он, не разбрасываются. Особняк в национальном стиле на склоне горы, над убожеством туземного посёлка, подчёркивал важность его должности.

Стоя возле распахнутого окна, кен ло Хеерорд смотрел на склон хребта напротив, на тучи у вершин, на серебро океана вдали. В посёлке, на окраине, ещё дымило – земную торговую факторию, открытую тут около года назад, как ему сообщили, джаго с какого-то военного корабля взяли штурмом и уничтожили в тот самый день, когда он прибыл сюда и занял должность. Без свирепого кровопролитного боя, конечно, не обошлось; персонал фактории состав-

⁷ Полковник в приблизительном переводе на звания Земли.

ляли аж целых двое землян – мужчина и женщина... Джаго, небось, и танки свои любимые прикатывали. Как без танков справиться с такой грозной силой?! Командир охраны кен ло Хеерорда, сохраняя серьёзность, сказал по этому поводу: «У землян ведь, наверное, даже пистолеты были. Небось, целых два! А то и автомат!» – и охранники уважительно покачали головами, отдавая должное беззаветному мужеству джаго, не побоявшихся выйти против такой техники всего лишь сотней бойцов...

Сторки всегда любили такие шутки – когда вышучиваемый не сразу понимает, что над ним смеются...

...Кен ло Хеерорд вздохнул. Дождь пойдёт завтра или послезавтра и будет идти много-много дней. Скорее всего, война с Землёй закончится раньше, чем дождь – и он, остаётся надеяться, улетит отсюда.

Он отвернулся от окна. Трое туземных слуг из большого контингента, предоставленного в его полное распоряжение, закончили накрывать стол и сейчас замерли возле него – худые, словно из палочек составленные, в серо-зелёно-синем хитиновом покрове; их выпуклые глаза и длинные усики нервно подёргивались. Они были на полголовы выше рослого сторка, но попятнулись, приседая на смешно расставленных в стороны и согнутых коленками назад ногах, когда кен ло Хеерорд пошёл к столу, на ходу махнув рукой:

– Прочь.

Слуги исчезли.

Кен ло Хеерорд уселся за стол и поморщился. Нет уж. Если выяснится, что вся его служба тут хоть сколь-либо затянется – он выпишет с родины слугу из поместья. Кого-нибудь, знакомого с детства, из девушек с Нижнего Двора⁸. Хотя бы чтобы еду нормально готовили. Даже желающие прилететь наверняка найдутся – кен ло Хеерорда любили, и он это знал.

Он злился и, если уж быть совсем честным, просто-напросто привередничал – еда была консервированная, саморазогрев, одинаковая в любых... гм... конечностях и в любом конце Галактики. При мысли об этом злость стала ещё сильнее – консервы, словно он в космосе или на войне! Нет уж. Точно выпишу... Не приказывать же готовить кому-нибудь из охраны!

На столе лежали распечатки писем – видеоканал в здешних условиях срывался то и дело, связь наладить не удавалось никак, и кен ло Хеерорд уже поклялся себе, что в первой же докладной напишет о крайней необходимости постройки в горах мощного ретранслятора. Под основу можно использовать тот же космодром, там удобное место и есть вообще всё необходимое. Хотя... если война будет такой, как ожидается – едва ли на это станут тратить средства. Он отсюда улетит, и планетка снова погрузится в своё тёплое сонное болото; будут раз в полгода прилетать на космодром корабли, занесёт какого-нибудь бродягу, охотника, учёного – и всё...

Он налил себе вина в бокал. Весь сервиз привезли из дома – к хорошей посуде у кен ло Хеерорда была слабость с детства, он обожал рассматривать такие вещи, ещё будучи совсем маленьким, а, когда подрос, то удивил всех, заявив, что хочет учиться работать с камнем. Это было и правда странно, но отец разрешил, и он учился у одного из лучших мастеров с их острова. Мастер был из низкого Рода; кен ло Хеерорд усмехнулся, вспомнив, как он, семи вёсен от роду⁹, вошёл в мастерскую – мастер был предупреждён – и с порога сказал, задрав нос: «Эй, старик, я хочу научиться делать такое! – и показал пальцем через плечо и вбок на горку с бокалами, рогами и чашами из хрусталя, лазурита, яшмы, малахита... – Да поскорее!»

Мастер – уже немолодой, но крепкий, как все сторки, смерил мальчика взглядом и спокойно сказал: «Торопыги ломают всё. Хорошо, если только свои глупые пальцы, хуже – если хороший камень. Торопыгу и грубияна я учить не стану.»

⁸ Нижний Двор – у сторков это условное название места (на самом деле это может быть поселение, дом, комната), где живут Безродные, слуги какого-то Рода.

⁹ Сторкадский год равен 15 земным месяцам, а возраст считается по вёснам.

Ох, как взвился Заант кен ло Хеерорд! В первые секунды он и слов-то не находил, а потом крикнул: «Я скажу отцу, что ты не хочешь учить меня, старик!»

«Говори,» – усмехнулся мастер. И повернулся спиной, махнув рукой скалящим зубы из соседней комнаты ученикам: кыш!..

...Он сказал. А отец холодно засмеялся и спросил, в упор разглядывая среднего сына, на самом ли деле Заант верит, что при словах «Высокий Род» враги опустят оружие, волны океана расступятся и инструменты сами бросятся выполнять задумки Мальчика Из Высокого Рода? Если это так – то надо непременно доложить Императору о таком чуде. И отправить его, Заанта кен ло Хеерорда, на границу с мьюри – пусть покажет черноголовым, чего стоят его грозные повелительные слова. Ведь за свои слова мужчине надо отвечать?

Он тогда смог только повесить голову. И сразу пошёл обратно – к дому мастера. И тот начал с того, что ударил Заанта по спине ремнём и дождался ответа: «Я благодарю тебя за твою науку, почтенный мастер.»

Это был первый и последний удар. Собственно, мастеру не было нужды и голос повышать на своего странного ученика. А как он улыбался, как улыбался, когда через короткое – и правда короткое! – время мальчишка, захлёбываясь от восторга, плясал по мастерской, в безмолвном восторге поднимая в руках первый сделанный им самими бокал... Но вслух сказал только, кивнув подскочившему – с горящими глазами – ученику: «Сделал.»

О Предки, какая же это была дорогая похвала...

...Не этот бокал. Этот он сделал позже, незадолго до того, как отправиться на стажировку на свой первый корабль...

Бокал – тонкостенное чудо ручной работы, трудно было поверить, что такое можно сделать из камня – имел форму пятилопастного цветка вин'ранда, отцветающего, с надломленными вниз лепестками. Камень – зелёный, излюбленного сторками – в цвет их глаз – цвета, с еле заметными чёрными прожилками – был холодным и плотным. Кен ло Хеерорд с задумчивой улыбкой рассматривал бокал, предвкушая вкус вина – вина с родины.

Да, этот бокал он сделал позже. И часто привозил старому мастеру камни с других планет и изделия иных рас. Год назад привёз купленный на Церре земной рог – странно похожий на сторкадские, из тяжёлого горного хрусталя, с резьбой в виде диковинно и странно прорастающих звериными телами и мордами трав и цветов.

Ему запомнилось, как мастер долго изучал рог. Долго-долго. А потом, устремив куда-то сквозь стены жилища взгляд бледно-зелёных от старости, но всё ещё очень зорких глаз, сказал негромко: «Сильная кровь у этого народа. Боюсь, что их добрый щит не взять нашим славным мечам...» «Что это ты взялся вещать, старик?» – с насмешливой лаской спросил его кен ло Хеерорд. Старый мастер не ответил тогда.

А перед самой войной, за месяц, прилетев снова домой, кен ло Хеерорд, что старик умер. Он был уже и правда очень старый, он видел уже больше двухсот вёсен, вёсен на пятьдесят больше, чем обычно живут сторки, если исключить, конечно, Императора и его наследников, его Тени...

Покачав головой и отхлебнув вино, кен ло Хеерорд взял распечатку первого письма. И улыбнулся. Оно было от матери.

Мать писала – чётким, ясным почерком, не набирая текст на клавиатуре, а стилем на панели, как достойно и принято – что Род благополучен, потому что отец по-прежнему правит островом от имени Императора и по его воле, женщины и дети все живы, а из мужчин погибли... шли два имени дальней родни... и пленён врагами...

Кен ло Хеерорд положил распечатку на стол и сильно, мёртво припечатал рукой с распяленными пальцами.

Его младший брат. В плену?!

Пальцы сжались в кулак, комкая плотный лист.

Какое-то время кен ло Хеерорд сидел с каменным лицом, переводя дыхание. Потом — аккуратно расправил бумагу и ещё раз перечёл строки.

Шээйн в плену. Взят русскими. Взят раненым (короткое облегчение). Да, только раненым, без сознания, беспомощным, Шээйн и мог попасть в плен. Никак иначе. Однажды он, когда ему почудилось, что кто-то что-то не так сказал о девушке, которую он любил, вызвал на поединок всех, кто участвовал в разговоре — семерых парней, все — старше его, тогда всего-то мальчишки одиннадцати вёсен родом. Всех — разом. И только искренние уверения вызванных, что не было сказано ничего недостойного, уверения, в которых не было ни страха, ни насмешки — лишь уважение сильных и храбрых к не такому сильному, но ещё более храброму — успокоили его и склонили отменить вызовы...

Сказали или нет? Сказали или нет о том, что случилось, Риннальд — той, чью честь он защищал даже от намёков на намёки? Той, которая в конце концов стала женой брата, и весь Данни гулял на их свадьбе? А их сыну — сказали или нет; поймёт ли малыш, что такое — плен, что отец — в плену? Дочки не точно поймут, они обе ещё и говорить-то не умеют... а Риннальд беременна ещё одним мальчиком, и он родится без отца...

Кен ло Хеерорд сидел за столом, слепо глядя в листок письма.

* * *

Дождь перестал, и мальчик, сидевший неподвижно в норке из широких листов под торговым навесом, пошевелился. Он не спал, он смотрел на то, как падающая с неба вода взбивает в лёгкую серую пену воду в лужах на площади. Когда пляска струй прекратилась, он шевельнулся и вздохнул.

Мальчику было около семи лет по счёту Земли. Русые, довольно длинные волосы перепутались и были склеены грязью, ею же перемазано лицо — с большими серыми глазами, полными каким-то странным ледяным выражением, словно их хозяин смотрит на что-то, невидимое остальным — и всё тело; синие когда-то шорты и лёгкие кеды, составлявшие всю одежду мальчика, тоже покрывала грязь.

Три дня назад у него были отец, мать, старший двенадцатилетний брат и младшая двухлетняя сестра. Их семья работала на земное представительство — отец занимался обменной торговлей с туземцами, был торгпредом в здешней фактории. Год назад они прилетели сюда с Земли. На другую планету, как в мультике про приключения. Не так уж много на Земле семилетних мальчишек, которым так повезло — лететь на планету, где никто ещё и не был из землян!

Это был хороший год. Интересный и весёлый.

А три дня назад... Три дня назад...

Он сидел и на своём ноуте набирал письмо ребятам из посёлка.

Три дня назад...

...Мальчик не был голоден, как могло показаться. Местные жители смертельно боялись чужаков, наводнивших их мир в последние три года, не делали между ними никаких различий и старались никак не вступать в их дела. Тоже ни в какие. Поэтому когда мальчик подходил и брал съестное — они не замечали. Просто не замечали. А он знал, что надо брать, им всем нравились местные продукты, особенно всякая всячина из здешнего океана, и мама (нетнетнетнееееееет, не думать!!! Не было! Не хочу! Боюсь! Спрятаться!!!)...

Нет, он не был голоден. Но он был одинок и напуган — напуган до холодного оцепенелого равнодушия. Именно этот страх помог ему остаться в живых, когда отец — хромающий, с окровавленным плечом и лицом — сильным толчком впихнул его в нишу за холодильником и рывком придвинул шкаф к стене. И, уже невидимый, приказал: «Молчи!»

Оттуда он видел **всё**. И молчал...

...Иногда ему — он был не совсем уж малышом — приходило в голову, что можно просто прийти и поселиться в одном из домов *стич* (он произносил этот лихой щелчок легко и неподражаемо — брат всегда... нет, нет, нет, не надо!!! Не думать! Не думать про них! Нельзя! Плохо!

Страшно! Придут!) Но понимания хватало и на то, что слухи всё равно пойдут – и следом за слухами придут джаго. Или не они, а кто-то ещё. Всё равно друзей тут нет.

У его родных, у отца, мамы, даже старшего брата, были знакомые и даже друзья среди туземцев. По крайней мере, люди **думали**, что это друзья... Но он-то никого не запомнил, ему это было просто неинтересно. А они – если и узнавали мальчика на улице, то боялись подойти. А верней всего и не узнавали. Не хотели узнавать. Они не помогли. Их тут сотни, и они не помогли землянам, которые всегда хорошо к ним относились. По-человечески. Мальчик был ещё мал, но хорошо знал, что, если соседу плохо, надо помочь, если на соседа напали – надо хватать оружие или, если ты маленький, бежать за помощью к большим. А не делать вид, будто это не твои проблемы. Если бы *стич* навалились все разом, то его...

(Да нет же, нет, не вспоминать!!!)

Труссы.

Отец как-то сказал, что местные жители умеют и любят замыкаться, заслоняться от проблем, решения которых у них нет. Потому и почти ничего не достигли – не ищут решений. Отец... (нет, нет, нет!!! Убежать! Смотреть, слушать – нельзя, страшно!)

Но и у мальчика сейчас решения не было. На этой планете он знал лишь кусочек мира – этот посёлок. Уйти было некуда. Идти – не к кому. И он кружил по его улицам днём и сидел где-нибудь ночью, стараясь не заснуть. Маленький организм измучился, он выключал своего хозяина против его желания – и во сне снова и снова повторялось всё, что было три дня назад, и он просыпался от собственных воплей, жутких и протяжных...

Во сне он кричал. Наяву – кричать было **нельзя**, и он не кричал **тогда**...

В тот – четвёртый – день он решил пробраться на маленький космодром в горах, видный отсюда, единственный космодром на планете, построенный ещё какими-то первооткрывателями, но использовавшийся всеми просто по мере надобности. Мальчик слишком мало прожил на свете и не был дворянским ребёнком, и жуткое недавнее прошлое – и постылая реальность – активно стирали из памяти прошлое отдалённое. Но что он прилетел сюда на космическом корабле, что он часто смотрел стерео и много читал книг и журналов про корабли – он всё ещё помнил. И то, что корабли там чужие – не очень понимал; космодром стал казаться какой-то сказочной надеждой вернуться на Землю. Домой. Земной дом тоже ещё держался в памяти, но уже не как домик на берегу Ангары, а просто как слово – доброе и ласковое.

Ему очень хотелось спать.

Выбравшись из-под прилавка, он выпрямился и хмуро осмотрелся. *Стич* ещё не начали собираться на дневной обмен, и мальчик решил подождать немного, поесть чего-нибудь, а потом пробираться на космодром. Ни о чём другом он думать не желал – отойдя на середину торговой улицы, задрал голову, чтобы рассмотреть над горным склоном справа, на мощном скальном выходе, решётчатые фермы антенн дальней связи. Больше отсюда ничего «космодромного» рассмотреть было нельзя. Туда, на склон, вела пологая длинная дорога, лепившаяся к хребту. Он там много раз был с...

(...нет, нет, нет – нельзя про это думать!!!)

...Кен ло Хеерорд посмотрел на небо. Ну так и есть, всё – тучи уже не разойдутся. Завтра утром пойдёт дождь – и всё.

Сторк тяжело, припечатывая землю, шагал посередине торговой улицы. Он был один – не взял с собой слуг-туземцев и приказал охранникам остаться в поместье. Выход неофициальный, ни к чему демонстрировать дипломатический протокол и военную силу. Да и некому. *Стич* до дипломатии расти и расти, сторки с их точки зрения – опасные духи дождя и всё такое прочее, поражать и пугать их незачем, они и так поражены и напуганы на век вперёд.

Права носить мундир у отставного офицера, разумеется, никто не отнимал, и яркие цвета сторкадского военного звездолётчика, казалось, раздвигают здешнюю тёплую хмарь. Лёгкий крылатый шлем – тоже парадный – кен ло Хеерорд украсил кокардой родовых цветов

(на службе нельзя, а вот сейчас как раз можно – один из немногих плюсов отставки, которым он с удовольствием пользовался), левую руку держал на открытой кобуре офицерского бластера (к той же левой руке был пристёгнут стилет-тарва, древний, бронзовый «Хранитель Чести»), а в правой помахивал *х'онд*-ом¹⁰. Ему было тошно и, если честно, хотелось подпалить пару навесов. Просто, незатейливо, походя – ну, для поднятия настроения. Вот интересно, можно ли вывести туземцев из себя и довести до состояния, когда они бросятся штурмовать его дом? О Пустота... Да какой там штурм, если они даже не охотятся на зверей, а всего оружия – гарпуны для ловли рыбы? Заплесневелый народец с замшелыми мозгами.

Кстати, об охоте. Кто-то из бывавших тут соплеменников озаботился набросать кое-какие исследования по здешним животным и прочему; поохотиться есть на кого. И этим надо будет заняться, если не навалятся горой дела. А они, похоже, навалятся-таки, поморщился кен ло Хеерорд. Помимо того несчастного письма были ещё и официальные депеши – о необходимости готовить базы-склады и сроках. Что они там себе думают? Что эта Земля сможет сколько-либо длительно противостоять Альянсу?!

Смешно. Хотя...

Он передёрнул плечами и опять стал думать об охоте, одновременно подумывая, что как раз вот это самое место и пойдёт под первые склады (и прикидывая уже мысленно, как и что распланировать после сноса всего этого мокрого уныния). Фыркнул зло – как ни крути, а лучший каталог по живому миру Скр'г... грр'ий... так, всё, хватит: отныне и впредь – **Туманная Лужа**, и так и буду писать во всех документах! – лучший каталог по живому миру Туманной Лужи составил не сторк, а Охитт Аннэйо Сурнимай¹¹. Собственно, он это недоразумение и открыл... Кен ло Хеерорд неожиданно для самого себя фыркнул, вспомнив впервые прочитанную книгу мьюри-социопата. Ему самому тогда было лет десять, книгу привёз отец из столицы, мальчишка, сидя на замковой башне, где всегда любил читать, с отвращением долго рассматривал портрет автора на обложке (длиннющие, чёрные, как сажа, волосы... широченные скулы... золотистого отблеска кожа... вздёрнутый нос... косые синие глазищи, в которых читалось ироничное бесшабашное полубезумие – ну и рожа, и рождает же Пустота такое...), а потом прочитал эпитафию: **«Было бы за что висеть – а не только за шею!»** – хмыкнул, покатавал слова на языке, и... и одобрил. Удивлённо одобрил. И стал читать.

Так.

А это – что?!

В какой-то момент у кен ло Хеерорда переключилось сознание. Ему показалось – и картина была дикой, непредставимой в своём идиотизме – что посреди улицы неподалёку стоит как ни в чём не бывало и смотрит куда-то на склоны хребта сторкадский ребёнок. Чего, собственно,

¹⁰ Х«онд – сторкадская боевая палка длиной от 70 см до метра. В давние времена – просто-напросто учебный меч, который многие родовитые сторки использовали для «разборок» с безродными, чтобы не испачкать боевого меча и отчасти не убить (что в некоторой степени лицемерие – в умелой руке тогдашний *х'онд* убивал немногим хуже металлического клинка). В настоящее время – скорей просто трость, но тяжёлая и крепкая, вполне годная для использования в качестве серьёзного оружия.

¹¹ Знаменитый за 40—50 земных лет до описанных событий путешественник-авантюрист с Йенно Мьюри. Потомок древнего королевского рода, сын одного из директоров корпорации «Сурнимай», ещё в детстве прославился тягой к справедливости (несколько специфически понимаемой как «возвращение к истокам») и приключениями на родной планете, позже – в космосе. Пытался поднять на материнской планете Федерации Йенно Мьюри восстание, которое потерпело поражение. Охитт Аннэйо Сурнимай с группой верных людей бежал в космос и на протяжении четверти века сочетал разноплановые независимые исследования (отчёты о которых безалаберно и щедро-беззаботно рассылал ближайшим на тот момент цивилизациям) с идейным пиратством (борьба с работорговлей, контрабандой наркотиков и т.д.). Плодовитый писатель, бесстрашный исследователь, неплохой поэт и самобытный философ. Существует три версии его гибели, ни одна из которых не доказана, но каждая – мила сердцу какой-то из групп его врагов; объективно Охитт Аннэйо Сурнимай просто-напросто пропал без вести во время одной из своих экспедиций. На Йенно Мьюри об Охитт Аннэйо Сурнимай написано множество научных и «научных» трудов, несколько художественных книг, сделано несколько десятков фильмов. Существует даже молодёжная культура «охитт», объединяющая, кстати, далеко не худших представителей этого в общем-то растленного общества. Что интересно, частью культуры является вера в то, что корабль Охитт Аннэйо Сурнимай попал в «мёртвую зыбь Пространства» и всё-таки вернётся – когда народ Йенно Мьюри массово его позовёт – чтобы установить суровую справедливость.

не могло быть – первые сотрудники миссии ещё только должны были прибыть на днях, а те, у кого есть дети и кто решил их привезти – ещё позже.

Сторкадскому ребёнку было взяться неоткуда. Героические юные «пробиранцы-приключенцы», которые проникают в трюмы судов и прячутся среди ящиков с оборудованием, чтобы в критический момент спасти корабль, в последние лет пятьдесят стали просто-напросто невозможны из-за многоуровневой системы живого и механического контроля. Да и потом, предпоследним кораблём, прилетавшим сюда, был тот самый джагганский эсминец. А он уже улетел. И не он же, в конце концов, привёз сюда ребёнка-сторка?! А последний корабль – корабль самого кен ло Хеерорда. На котором детей не было точно.

Всё это кен ло Хеерорд думал на ходу – только походка его стала бесшумной и быстрой...

..В известной части Вселенной есть несколько рас, которые можно спутать со сторками. Во-первых, конечно, мьюри. Но они, как и их двоюродные братья джангри, черноволосы. Поголовно. С оттенками, но черноволосые, если не красятся, что у мьюри в общем-то в ходу. Во-вторых, их общая родня аниу. Но аниу нельзя спутать вообще ни с кем.

Ну и в третьих.

Земляне.

Вообще говоря, это тоже было не очень-то вероятно. Но, делая последние несколько шагов, кен ло Хеерорд подумал, что да – как раз земляне-то на планете **были**. Ещё недавно. Те, которых убили джаго. Во имя Силы, у них что, были дети? И как они – он, она? – уцелели?

Он. Мальчишка. Теперь кен ло Хеерорд это видел.

Мальчишка был так увлечён своими мыслями и разглядыванием чего-то неведомого на горном склоне, что дёрнулся, только когда сторк уже оказался рядом. Неловко повернулся, вскинул голову и застыл – рот приоткрывался потихоньку – давая себя рассмотреть вблизи.

Да, это был, конечно, не сторк – и не мьюри, джангри или аниу. У мальчишки был курносый нос – но не до такой степени, как у мьюри, так, немного вздёрнутая «пипка» – большие серые глаза с длинными ресницами, тонкие черты, гладкие скулы и волосы... э... ну... грязные, но, похоже, того цвета, который земляне называют *рюзие*. При виде оказавшегося рядом огромного сторка мальчишка побелел так, что на носу выступили чёрными точками с десятков маленьких пигментационных пятен – у сторков такого не бывает, а у землян они называются... нет, забыл. Но зато другое было совершенно неоспоримо.

Если кен ло Хеерорд правильно запомнил лица земных детей из скороспелых справочников, это совершенно неоспоримо был землянин. Скорей всего – русский, хотя и не точно.

Между тем землянин тихо выдохнул, попятился, не сводя глаз с кен ло Хеерорда. Его губы слабо искривились – у сторка его возраста такое движение могло означать презрительный гнев, но за землянина кен ло Хеерорд не поручился бы и просто шагнул следом. Поставил ногу влево – дёрнувшийся было туда – бежать – мальчишка отскочил обратно и уперся спиной в прилавок. Схватился за мокрые доски расставленными руками – так, что пальцы побелели. Глаза его становились всё больше и больше, они заняли почти всю верхнюю часть лица. Грудь – разрисованная грязью, засохшей и свежей – ходила ходуном, быстро, резко.

Кен ло Хеерорд, сам того не ожидая, улыбнулся: вспомнилась вышедшая недавно детская книжка, в которой говорилось, что земляне раскрашивают себя синей краской. Ну что, её составители были не так уж не правы: этот землянин и правда раскрашен синеватой здешней глиной очень добротню.

Улыбка мальчишку испугала ещё больше. Он явно собирался прыгнуть через прилавок – когда рука сторка опустилась ему на плечо.

Именно в этот момент кен ло Хеерорд решил, что заберёт это неожиданное существо к себе. Причин несколько: во-первых, его брат в плену у землян; во-вторых, земляне лишили его, кен ло Хеерорда, возможности сражаться за Сторкад; в третьих, из мальчишки можно будет про-

сто-напросто воспитать слугу. Да и потом: скорей всего, после окончания этой войны рабов-землян будет множество, но пока это экзотика.

Мальчишка вскрикнул. В крике были отчаянье, ужас и ненависть – практически не человеческие, такой звук мог издать схваченный зверёк. В следующий миг его нога мелькнула в ударе, а зубы впились в руку сторка...

...вернее, так получилось **бы**. Кен ло Хеерорд лениво – и мгновенно – убрал ногу, подставил под бешеный укус накладку на локте и одновременно перехватил шею мальчика слева у основания – двумя пальцами, как клещами.

Он не ошибся. Землянин строением организма не отличался от сторков – и обмер, широко распахнув глаза, парализованный умелым нажатием. Но в его глазах было столько ужаса, а сердце так колотилось в локоть сторка, что кен ло Хеерорд подумал: не умер бы от страха. Мальчишка и так, с самого начала, был чем-то смертельно перепуган. Сторк резко нажал сильнее и довольно безжалостно тряхнул мальчишку; глаза землянина распахнулись ещё шире, он судорожно, рывком открыл рот – и обмяк, как тряпичная кукла.

Сторк легко перехватил добычу под мышку и зашагал по тропке обратно, совершенно не обращая внимания на провожающих его вращением глаз туземцев, которые как раз начали потихоньку появляться за прилавками тут и там...

...Самым смешным – и, наверное, самым отвратительным – с точки зрения многих, в том числе и землян – оставалось то, что Заант кен ло Хеерорд вовсе не был негодяем и мерзавцем. Негодяй и мерзавец – этот тот, кто совершает что-то скверное, **понимая**, что это – скверное и наслаждаясь этим. Но с точки зрения кен ло Хеерорда он ничего **скверного** и не совершал. Более того, он бы смертельно оскорбился, если бы кто-то хотя бы просто **предположил** только **возможность** такого!

Как и большинство детей сторков, он рос вдали от столичного острова Тор’эмма, от столицы Империи Дэм-Торсада с его интригами и бездушием ко всем, даже к Императору – тоже части, пусть и главной, многовекового безжалостного Механизма. Но главного это не меняло: с первых мгновений сознательной жизни кен ло Хеерорд вобрал в себя Основу Основ: есть Свои. Это сторки. Сторки Высоких Родов. Есть Свои, но ниже – Родовитые. Есть Свои ещё ниже – Низких Родов. Наконец, Безродные – они тоже Свои, но в самом низу. Это – Народ.

Все, кто вне этого вечного, несокрушимого, единого *соорда*¹² – Чужие. А Чужие должны быть или мёртвыми безопасными врагами – или живыми покорными рабами. И никакие взаимоотношения, счёты, желания, мысли и обычаи сторков к Чужим были неприложимы. А обычаи, мысли и желания Чужих могли быть удивительны, смешны или любопытны, но – всегда – **всегда!** – ниже каблуков сапог Народа.

Сам кен ло Хеерорд рабами не торговал, на его родном острове – так сложилось – рабских плантаций с Чужими не было, но двое его родичей были капитанами каперов и имели немалую часть дохода именно с торговли живым товаром и его перевозок. Занятие вполне почтенное и достойное... А по закону Сторкада сторку – любому, даже Безродному – достаточно было положить руку на тело Чужого и сказать: «Моё,» – чтобы тот стал рабом. Ограничивал тут только самый обычный здравый смысл; ясное дело, что выйти навстречу делегации Йэнно Мьюри или Нэйкели и «пометить» главу той или другой мог только провокатор или больной. Хотя – хрестоматийным был пример вековой давности, когда Гэзур токк Гэзур кен ло Гэзур, был без сознания схвачен джаго и, издеваясь над пленителями, «пометил» троих высших офицеров, допрашивавших его. Что самое главное – он выжил и сумел бежать, а к концу конфликта уже сам пленил всех троих джаго и загнал их работать на плантацию, предварительно сообщив, что тут нет ничего личного, но не мог же он отказаться от сказанного?

¹² Соорд – общее племенное ополчение сторкадского Рода в древности. В наши дни – общее условное название вооружённых сил Империи, но только собственно из сторков.

Именно поэтому охранники у входа, отдавая салют, посмотрели на кен ло Хеерорда удивлённо – но это было удивление из разряда: «Где взяли?! – а не: – А зачем это вам?» По дороге сторк несколько раз добавлял начинавшему дёргаться и вскрикивать пленнику костяшкой пальца в затылок. Свалив мальчишку в угол в коридорчике и, заперев шлепком ладони входную дверь, переделался в домашнее, а когда вернулся – ну конечно. Мальчишка снова очухался и как раз намеревался открыть дверь, когда рука кен ло Хеерорда перехватила его за локоть, и сторк протащил землянина за собой в центральный зал.

Мальчишка опять начал бешено отбиваться – вскрикивая, извиваясь, он пинался, молотил сторка кулаками и кусался снова и снова. Из его сухих глаз на кен ло Хеерорда смотрели ужас и ненависть. Но всё это сторка совершенно не трогало. Точным, резким ударом – на этот раз уже не нажатием пальцев – ребра ладони под ухо, кен ло Хеерорд оглушил землянина и, брезгливо стащив с него одежду, поставил перед собой между широко расставленных колен, потрянул в обеих руках, придерживая за локти:

– Ну-ка, приди в себя, ну? – приказал он по-русски. Мальчишка, мотая головой, мутно посмотрел вокруг, на своего пленителя, моргнул, дёрнулся, вскрикнул негодуя и испуганно. Сторк прервал новую лавину отчаянного сопротивления таким рывком за локти, что у мальчишки клацнули зубы. – Стой смирно, или получишь ещё, – мальчишка бешено рванулся, пнул сторка, попытался ударить его головой в лицо. Кен ло Хеерорд развернул его и вlepил по мягкому месту такой удар ладонью, что в комнате выстрелило эхо, а землянин оглушительно взвыл и просто-напросто окаменел от боли. – Вот так-то... – это сторк сказал по-английски. – На каком языке ты говоришь? – он повторил вопрос на обоих языках. Мальчишка цедил сквозь зубы воздух и молчал. – Ясно, – кен ло Хеерорд бесцеремонно повертел землянина и удовлетворённо подумал, что он не истощён, не избит, не ранен – только смертельно напуган и очень грязен.

Кен ло Хеерорд поднялся, равнодушно перехватил мальчика за волосы и, не обращая внимания на его невольный скулёж, протащил в коридор, к душе. Открыл дверь кабинки и одним движением руки буквально забросил землянина внутрь. Тот пролетел через кабинку, не успев выставить руки, ударился плечом о стену, извернулся, быстро съехал спиной по стене на пористый губчатый пол и сжался в комок.

– Мойся, – приказал сторк снова по-русски и по-английски. И отметил, что на русское слово мальчишка метнулся глазами по кабинке. – Мойся давай, или я сам тебя буду отскребать. Ты что, этого хочешь?

Мальчишка медленно поднялся, ведя по стене обеими руками и не спуская взгляда с кен ло Хеерорда. Тот закрыл дверь и заблокировал её. Постоял, усмехаясь – буквально через секунду дверь подёргали. Но только один раз.

Потом внутри зашумела вода.

Мальчишка не выходил долго, хотя вода уже перестала литься. Кен ло Хеерорд успел переговорить с охранниками, довести до сведения рабов, что нашёл комнатного слугу и отдал им приказы насчёт него – и только потом заглянул внутрь. Землянин вымылся и даже причесался. И даже убрал за собой – вытер, где мог, всё развесил по местам... А теперь сидел на выключенной сушилке и быстро посмотрел на сторка, стоящего на пороге. Отвёл глаза, уставился в стену. Кен ло Хеерорд взял его за плечо, вывел наружу. На этот раз мальчишка не сопротивлялся, только через плечо оглянулся тоскливо – ага, в душе не было сторка, и это помещение уже – инстинктивно – начало казаться землянину более-менее надёжным убежищем. Знакомо.

– Твоё барахло я выкинул, – кен ло Хеерорд говорил по-русски, тщательно подбирая слова. Он знал четыре земных языка (это было одной из причин назначения сюда), но не практиковался с их живыми носителями никогда – не считать же практикой ругань в эфире во время короткого злосчастливого боя? Тем более, что сторки в бою ругаться считали недостойным, и кен

ло Хеерорд практически не отвечал, а потом и вовсе стало не до этого. Мальчишка, замерший возле двери в душ, опустил голову, поставил ногу на ногу, вздохнул дрожаще. – Сейчас принесут нашу одежду. Вон там, в углу – подстилка для тебя.

Мальчишка быстро посмотрел в угол коридора и передёрнул плечами. Опять отвёл глаза. Молча. Потом вдруг хрипловато сказал:

– Я убегу всё равно, – это были первые членораздельные слова с момента, как он попал в дом. Сказано было тихо, но, надо отдать должное, совершенно отчётливо непримиримо, и мальчишка, кажется, ожидал крика, приказов, побоев... но кен ло Хеерорд только усмехнулся: о психологии землян он кое-что знал, раб-шэни читал ему лекции по заказу ещё до войны, когда только-только исчезла Медленная Зона и открывшаяся Большому Космосу Земля заинтересовала офицера-сторка. И сейчас он только лишь шевельнул бровью:

– Если даже убежишь – я просто прикажу этим здешним насекомым поймать и выдать тебя. В противном случае за каждый день твоего побега я буду убивать по десятку их детёнышей. Там, на улице, где я тебя поймал.

Мальчик округлил глаза и приоткрыл рот. Выдохнул:

– Не надо... они же... они совсем ни при чём...

– От тебя зависит, – бросил сторк. И добавил с насмешкой: – Они и правда ни при чём. Вы нянчились с ними, как с равными, а эти тонконогие скрипуны даже не подумали помочь вам, когда пришла беда!

Мальчик закусил губу – сильно, так, что капелька крови показалась. Отвёл взгляд, еле слышно спросил:

– Зачем я вам? Пожалуйста, отпустите меня... я не буду ничего плохого делать там... – наивно попросил он в надежде, что взрослый – похожий на землян, как две капли воды – поверит в эти детские слова, как всегда верят в них взрослые.

– Мне нужен слуга, – пояснил кен ло Хеерорд. Снова круглые глаза и приоткрытый рот. – Ты им и будешь.

Выдох сквозь зубы. Мальчишка опустил голову, и кен ло Хеерорд «помог» ему – протолкнул к подстилке, прервав вспыхнувшее было ожесточённое сопротивление ударом по горлу: несильным, но точным, ровно таким, чтобы мальчишка захрипел и задохнулся, а когда отдышался – уже стоял на подстилке.

Сторк рассматривал его с холодным, но искренним интересом. Хм. Нет, правда – очень интересно. И странно до изумления. Помнится, сколько было смеха, когда кто-то из офицеров принёс в мойт¹³ переводную книгу тех двух землян... как же их... один с фактически сторкадским именем...¹⁴ нет, не вспомнить. Но мысль, которая всех насмешила – что сторки и земляне родня! – сейчас не казалась такой уж нелепой. И серые глаза у сторков бывают, редко, но бывают... и даже волосы случаются не рыжие, а светлые, светлей, чем у этого мальчишки, но не рыжие... Это, правда, считается некрасивым, очень, даже женщины иногда говорят: «В тебе нет Огня Народа!», а девчонки и мальчишки в детстве так и просто дразнятся (один знакомый детства кен ло Хеерорда в отчаянье перекрасил себе волосы – смеху было ещё больше) Кстати, судя по летописям, причём друг от друга не зависящим, несколько островов на Сторкаде в своё время – очень давно, конечно – были полностью заселены сторками с гла-

¹³ Офицерское собрание.

¹⁴ Имеются в виду Кирияков Эдуард Фёдорович и Ванагас Марюс Сябринас – известные ксенологи Русской Империи. Ещё в годы, предшествовавшие Первой Галактической Войне, они предположили и подкрепили множеством доказательств разной степени достоверности (мощнейшим доводом была находка известным космонавтом эпохи Промежутка Петром Владиславовичем Крапивинным первого города расы Рейнджеров на Плутоне), что Homo Sapiens Galaktis и Stork Sapiens Galaktis – ветви одной древней пра-расы. В годы войны по понятным причинам эта теория подверглась не всегда научной обструкции, но позже, во времена Галактической Эры, вновь начала набирать силу, причём, что интересно, не только на Земле, но и на Сторкаде. Неизвестно, насколько достоверна теория, но фактом остаётся то, что города Рейнджеров найдены на многих планетах, сами Рейнджеры внешне были неотличимы от людей, а люди – единственная раса, имеющая «двойников».

зами не зелёными и волосами не рыжими, и сейчас от них кое-что осталось в общем фенотипе... И язык у них был несколько иной, чем тот, который послужил основой для общего нынешнего...

– Подними голову, – скомандовал сторк. Мальчик поднял – зубы стиснуты, губы сжаты. Кен ло Хеерорда это ничуть не тронуло, надо сказать; он изучал лицо неожиданного приобретения. Нет. Лицо всё-таки не сторка. Если взглядеться – заметно хорошо. – Ты что, боишься на меня смотреть? – хмыкнул кен ло Хеерорд. Серые глаза полыхнули злостью; отвечать мальчишка не стал, а кен ло Хеерорд не решил, что предпринять – один из слуг принёс одежду и лёгкую деревянную упаковку – и, передав её сторку, поспешно удалился по небрежному знаку рукой.

– Держи, – кен ло Хеерорд бросил принесённое на пол к ногам землянина. – Одевайся. Одежду будешь менять каждые два дня, я позабочусь, чтобы у тебя была смена. Душ можешь принимать в любой момент, если там нет меня, но не меньше двух раз в день. Увижу, что пропускаешь – проучу.

Мальчишка молча одевался. Серо-голубые широкие штаны, тонкая просторная жемчужного цвета рубашка и чёрные лёгкие туфли – обычная одежда мальчиков любого Рода на Сторкаде, только, конечно, без родовых расшивов и без родового же веста¹⁵ – земному мальчишке пришлось впору, но одевался он неохотно, почти брезгливо, видимо, только потому, что не было выхода. Кен ло Хеерорд знал, что земляне не так, как его соплеменники, строги в отношении наготы... но мальчишке, конечно, хотелось хоть чем-то защититься от... **от врага** – и следил за ним с усмешкой, потом вскрыл деревянный ящичек.

Там был ошейник. Рабский ошейник-саморегулятор из армопластика, с дактилоскопическим замочком, регулируемым ремешком и креплением. Кен ло Хеерорд повертел в руках приспособление. Оставлять землянина на свободе был опасно – он или попытается сбежать или, чего доброго – убить сторка... Одевшийся мальчишка следил за ошейником в руках кен ло Хеерорда, как за ядовитой змеей, а когда сторк шагнул к нему – отскочил, вжался в стену, отчаянно, пронзительно выкрикивая: «Нет, нет, нет, не надо!» Ошейник напугал его больше побоев.

Кен ло Хеерорд отступил, выругал себя за глупость. Конечно! Мальчик-сторк, вздумай кто-то силой нацепить на него такую штуку, скорей всего по-настоящему умер бы на месте от унижения. Даже на попавших в рабство Безродных такие вещи не надевали давным-давно. А вот мысли и желания рабов-Чужих сторков совершенно не волновали... но в конце концов, земляне были очень-очень похожи на сторков. И, видимо, не только внешне. Видимо, всё-таки, похожи.

Чувствуя себя неожиданно глупо, кен ло Хеерорд повертел ошейник в пальцах. Мальчишка, весь дрожа, следил за руками сторка. Кен ло Хеерорд неожиданно понял, что эта дрожь – не страх, нет. Мальчишка готовится драться насмерть. Уже насмерть.

Конечно, в любом случае с ним можно было легко справиться. Но... но это было бы недостойно, вдруг подумал кен ло Хеерорд.

– На свободе я тебя не оставлю, – сказал он по-русски. И для себя же неожиданно добавил негромко: – Но не бойся, это не ошейник, а... привязь. Привязь. Чтобы ты не наделал глупостей и не сбежал.

Шагнув к землянину, он небрежно придавил его рукой к стене и, не обращая внимания на град ударов, нагнулся, затянул кольцо на левой щиколотке мальчика. Приложил к сенсору палец – ремень отвердел, замкнулся. Кен ло Хеерорд одним толчком зафиксировал крепление ремня в стене и отшагнул.

Мальчишка сел – словно его ударили под коленки. Опустил голову. Замер.

¹⁵ Жилет-безрукавка

Сторк довольно долго стоял рядом, но землянин не шевелился и не поднимал глаз.

* * *

Кен ло Хеерорд плохо спал. Его будил малейший звук, который сознание воспринимало, как «подозрительный» – а во сне он не контролировал своё сознание, и оно считало подозрительными почти все звуки. Слуги уже не раз убеждались, что, когда господин спит, то опасно разговаривать даже шёпотом – и даже в другом конце дома; разбужденный, кен ло Хеерорд не разбирался, кто нарушил его покой, и перепало всем.

Скулёж, разбудивший его этой ночью, взбесил сторка мгновенно, раньше, чем он понял, откуда исходит звук. Схватив *х'онд*, кен ло Хеерорд широкими шагами, шипя сквозь зубы от ярости, почти побежал на него.

Ну конечно. Его вчерашнее «приобретение» и было источником этой досады! Мало того, что днём, когда кен ло Хеерорд объяснял землянину его обязанности, ответов: «Да,» – и «Нет,» – можно было от него добиться только толчками ног, а «господина» он не пожелал произносить даже после десятка вполне полновесных (ну – для его возраста, конечно...) ударов *х'онд*-ом. Кен ло Хеерорд решил, что попробует мальчишку не попоить пару дней – тогда и посмотрим. Это лучше, чем бить.

И сейчас офицер не ударил землянина сразу только потому, что...

Скорчившись в уголке комнаты на подстилке, уткнувшись лицом в сложенные на коленях руки, мальчишка вздрагивал, словно на него уже сыпались удары. И поскуливал – жутковато, если честно, люди такие звуки не издают. На тяжёлые, резкие шаги сторка мальчик поднял голову – и кен ло Хеерорда поразил – и остановил – ужас, блеснувший в глазах ребёнка при свете, наискось падавшем из окна. Прежде чем сторк успел что-то сделать или о чём-то подумать, мальчик произнёс тихо, нехорошо-самоуглублённо:

– Я их вижу. Я даже когда закрываю глаза, их вижу.

Он искривил рот и снова вздрогнул всем телом, как будто пытался стать меньше самого себя, спрятаться внутрь себя же.

– Кого? – раздражённо спросил кен ло Хеерорд на том же языке, глядя, как мальчик медленно поднимается на ноги. Хочет броситься? Ну, пусть...

В ответ на ожидаемый бросок сторк занёс руку...

...и не ударил.

Обхватив его бёдра, землянин уткнулся кен ло Хеерорду в живот и залился безудержными, уже настоящими слезами, весь сотрясаясь и что-то бормоча.

В полутьме сторк, задавший вопрос на русском, не был похож на врага. Это был взрослый человек, умевший говорить на родном языке мальчика. И тот забыл, что перед ним враг. Забыл с облегчением – как с облегчением плакал теперь, не разжимая судорожно стиснутых рук.

Кен ло Хеерорд в растерянности опустил кулак с *х'онд*-ом. Он чувствовал себя смешно – стреноженный маленьким врагом, сыном врагов, которого притащил в дом по злой прихоти. Так смешно, что раздражение и гнев прошли.

Осторожно отцепив от себя руки мальчишки (тот тут же хватался снова, мотал головой и ревел), сторк присел на корточки – машинально, полутьма обманула и его ярость: так он утешал бы малыша одного с собой народа. Правда, в этом возрасте мальчики сторков уж не плачут... Но тем более – что же случилось такого? Землянин не выглядел размазнёй. Позволив ему обхватить себя снова – уже за шею – кен ло Хеерорд осторожно, тихо спросил по-русски:

– Кого ты видишь? Что случилось?

Мальчишку, который было начал успокаиваться, затрясло снова в жестоком приступе рыданий, буквально скорчило. Вместе со слезами хлынули слова – обрывки, куски, фразы...

...Отца, мать, старшего брата и младшую сестричку мальчика джаго повесили у него на глазах. Что перед этим с ними делали – мальчик не видел, только слышал... но ни брат, ни сестра не могли идти сами, их приволокли и сунули в петли... брат был уже мёртв, его

ранили в бою, и джаго что-то с ним сделали ещё... он так страшно закричал, тонко, совсем по-детски, а когда его втаскивали – по полу тянулся широкий кровавый след... а сестра никак не могла задохнуться, долго-долго не могла... она была слишком маленькая и лёгкая... А тоже раненых отца и маму повесили только потом, совсем потом, когда сестрёнка всё-таки умерла у них на глазах... только мама тоже была мёртвая, когда брат закричал, она рванулась от джаго, крикнула в ответ, страшно-страшно крикнула, и сразу вся обвисла... а они смеялись... смеялись, смеялись...

И мальчик всё это видел.

Детское горе, детский ужас неожиданно глубоко тронули кен ло Хеерорда. Нет, нельзя сказать, что он жалел землян. Пожалуй, и в казни он не видел ничего такого уж жуткого. Но в-первых, палачами были джаго, а джаго сторк только терпел, да и то не всегда; если кто и мог казнить похожих на сторков существ – то никак не эти тупые горы мяса. Во-вторых, джаго издевались над пленными детьми и женщиной, прежде чем предать их смерти, а это было омерзительно – мужчина другое дело. В третьих – удавить петлёй женщину значило совершить настолько грязный поступок, что ему не находилось слов. Даже Безродную, если она заслужила смерть, нужно было угостить хорошим ужином, в конце которого подать бокал вина с мгновенным ядом. И всё. А уж задушить малышку могли только джаго и одни лишь джаго; существо достойное взяло бы на себя заботу о маленькой дочери врага и пожелало бы ей, когда она вырастет, родить много новых врагов...

– Не плачь, не плачь... – кен ло Хеерорд тихонько и неумело похлопывал мальчика (тот наконец выговорился и устало всхлипывал, каждый раз коротко вздрагивая и тесней прижимаясь к сторку) по спине. – Ты вырастешь и убьёшь этих животных. Об этом и думай. А твои близкие тебя ждут... они погибли достойно и ушли к Предкам... Ты вырастешь, отомстишь, и твой отец будет гордиться: вот какой сын остался у меня в мире живых, скажет он! Он один поднял большую месть за нас всех, скажет твой отец... И ты встретишь красивую женщину, она станет твоей женой, и у вас будет много детей, чтобы не угас ваш Род...

Мальчик чуть отстранился, громко подышал, потом – поднял на сторка залитое слезами, но неожиданно хмурое лицо:

– А ты меня не убьёшь? – тихо спросил он. – Ты тоже враг. Ты сторк. Я знаю. У меня была большая книжка, там... – он не договорил, замолчал.

– Я тебя не убью, – кен ло Хеерорд помедлил, потом неспешно распрямился и, снова нагнувшись, поднял землянина на руки. Привязь потянулась следом; досадливым движением пальца кен ло Хеерорд отомкнул её и стряхнул. – Нет, не убью. Не бойся. Ты будешь жить тут, у меня. Тебя никто не тронет.

– Ты хочешь, чтобы я был твоим рабом... – прошептал мальчик. – А папа сказал мне ещё три года назад, что... что «мы не рабы. Рабы не мы.» Когда читать меня учил... Я не буду рабом! – мальчишка сказал это дерзко-отчаянно, с вызовом, яростно. Даже дёрнулся, словно хотел немедленно соскочить с вражеских рук.

И кен ло Хеерорд ответил:

– Не будешь.

Это был не просто его собственный ответ. Это было каменное решение – такие решения тихо, но ясно, определённо, раз и навсегда, говорят сторкам в уши заботящиеся о чести потомков Предки. Тот, кто не слышит сказанного – сам роет себе позорную могилу на ничьей земле между океаном и сушей; там, откуда путь один – в ледяные озёра, в кружащиеся вечные морозные туманы нечестивого, немужского посмертья.

Кен ло Хеерорд был настоящий сторк. Он слышал.

Напрягшийся, как пружинка, мальчик через миг – весь этот очень долгий миг он глядел прямо в глаза сторку – длинно выдохнул и расслабился.

– Я их всё равно вижу... – с тихим отчаяньем сказал он. – Я не могу даже глаза закрыть... – и уткнулся в плечо кен ло Хеерорда.

Сторк туда-сюда бесцельно прошёлся по комнате, неуверенно покачивая – скорей даже потряхивая, любая женщина на Сторкаде умерла бы со смеху, увидь такое – мальчика на руках. Произнёс наконец:

– Вот что я тебе скажу. Я тебе скажу *сэокг* про Гоортрика кен ло Хеерорда. Он был твоим ровесником и тоже остался один... Я скажу на вашем языке, хотя так будет нескладно.

– Это сказка? – мальчик снова поднял голову, и в его глазах мелькнуло любопытство – чистое, детское.

– Сказка?.. Э... Нет. Это... как это – легенда. То, что было давно... Так вот. Жил в давние времена, когда мир был плоским, как блюдо для пиров, а небо над ним было – как крышка от котла – жил на зелёнолесном острове Данни, что лежит к югу от большой земли Кодэр’утт, славной своими пастбищами, достойный и щедрый Род...

...Мальчишка тихо сопел, даже во сне не выпуская шею кен ло Хеерорда. О Предки, подумал сторк неожиданно весело, я влип, как храззи¹⁶ в прибрежную тину... Интересно, кому **там** вздумалось так надо мной подшутить?

Он осторожно, очень тихо уложил маленького землянина на его подстилку, не дыша, расцепил руки на своей шее, постоял рядом. Мальчик спал – спал усталым непробудным сном – и кен ло Хеерорд отошёл от него, тихо ступая и оглядываясь.

Отстёгнутый ремень с ошейником сторк унёс с собой и на ходу брезгливо, не глядя, швырнул в утилизатор.

* * *

На этот раз он спал достаточно крепко, хотя пару раз кен ло Хеерорду казалось сквозь сон, что кто-то ходит по крыше – но он не просыпался, а только досадливо переворачивался во сне. Впрочем, ночь всё равно получилась беспокойной, и он проснулся в обычном плохом настроении – и довольно тупо уставился на сидящего на пороге спальни мальчишку, не сразу даже вспомнив, кто это такой и что он тут делает.

Мальчишка, сидя со скрещенными ногами (сторки так не сидят никогда, сторкадский мальчишка или сел бы на корточки, или полуприлёг, опираясь на руку; смотреть на вывихнутую позу землянина было любопытно и немного неприятно), чистил сапоги кен ло Хеерорда, которые – заляпанные грязью – тот вчера так и оставил валяться в прихожей и забыл про них. Чистил очень умело, то и дело отставляя обувь подальше и явно любясь на блеск, даже улыбался вроде бы. Но через какие-то несколько секунд он почувствовал взгляд и быстро обернулся. Лицо мгновенно стало настороженным, руки – с надетым на одну сапогом и щёткой в другой – опустились. Мальчишка провёл по губам языком, моргнул опасливо, потом тихо сказал:

– Я дома... чистил. Это такая обязанность была. Мне нравилось...

Кен ло Хеерорд сел. Подумал: может, ночью не приснилось, и кто-то на самом деле бродил по крыше? В висках чувствовалось противное онемение – привычное уже по утрам – от которого язык казался связанным. Он кашлянул и спросил по-русски:

– Слушай. Я понимаю, что ты ещё не большой и что ты не женщина. Но ты – совершенно случайно! – не умеешь готовить?

Мальчишка снова, но уже изумлённо – опаска ушла из глаз – моргнул. Уточнил:

– Еду?

– Еду, – буркнул сторк, не спеша вставать – ждал, когда уйдёт проклятое онемение.

– Я... чай умею... яичницу... бутерброды... – мальчишка честно задумывался, перечисляя совершенно незнакомые сторку названия. – Умею... – невообразимый щелчок-скрип,

¹⁶ Похожее на выдру небольшое морское прибрежное животное на Сторкаде.

заставивший кен ло Хеерорда вздрогнуть, – пожарить, мы прямо на берегу жарили... из... – снова какой-то свист-щёлк, – салат могу сделать, это просто совсем и вкусно...

– Стой, – сторк поднял ладони. – Это вот всё щёлк-свись-тьрю – это что?

Мальчишка секунду смотрел растерянно и даже испуганно, потом вдруг хихикнул:

– Вы тоже не умеете говорить, как они? Папа... – он выдохнул, на миг опустил голову, продолжал: – Папа еле научился, и то плохо. И мама чуть-чуть. А у меня хорошо получается... А это названия такие. Рыба есть тут такая, смешная, на слоника похожа...

– На кого? – измученно вздохнул сторк.

– Ой... В общем, рыба. И водоросли, синие с жёлтым...

– То есть, ты всё это ел и жив, – уточнил сторк. Мальчишка удивлённо кивнул. – Тогда вот что. Я сейчас пришлю тебе слугу. Местного. Объясни ему, что надо принести. И приготовь, хорошо?

Мальчишка на миг ошетинился. Но молча. Потом кивнул:

– Ага. Только... – он покусал губу. Кен ло Хеерорд рывком поднялся – заставил себя:

– Что?

– Я не буду спать на подстилке, я не шенок, – угрюмо, не опуская глаз, заявил землянин.

– Не будешь, – сторк подошёл к окну. – Кровать соберут днём. Хотя с чего вдруг? Принесут комплект, а соберёшь сам. Понял?

Мальчишка вдруг широко улыбнулся:

– Ага, понял...

...День получился суматошным и тяжёлым, и вечером с космодрома кен ло Хеерорда привезла машина. А дождь пошёл как раз в тот момент, когда он переступил порог дома. Стоявший под навесом часовой с сомнением сказал:

– Мейзр фантор... там у вас этот ваш слуга... землянин...

– Что? – кен ло Хеерорд задержался. И сам себе удивился – волнение или даже испуг? Но лицо часового было слегка растерянным, и не более того. – Я сам, всё в порядке.

Часовой отсалютовал...

...Мальчишка с несчастным видом сидел среди руин кровати – точнее – недособранной кровати. И сердито сосал палец на руке. Трудился он явно честно – в другой руке воинственно сжимал молоток, а кровать имела вид чего-то вроде кровати... но не более того. Спать на ней было ещё невозможно. И на вошедшего кен ло Хеерорда уставились сердитые глаза:

– Я тут... – так же сердито, но немного растерянно сказал мальчишка, вставая и качая молотком. Вздохнул и признался: – Я так не умею... пока.

Сторк вдруг понял, что сейчас рассмеётся, но вместо этого спросил:

– Ты еду приготовил? Эти, как их там... чирик-пирик? – мальчишка кивнул, с сомнением покосился в сторону кухоньки. – Тогда я сейчас поем, ты как раз почищишь форму и сапоги, а потом посмотрим, что делать с твоей... хм... осадной машиной. На кровать это совершенно не похоже... Ты сам ел?

– Не, – покачал головой мальчишка. – Я ждал... – и положил молоток на спинку кровати...

...Может быть, взрослыми землянами и тем более местными это готовилось иначе и должно было иметь другой вкус – кто его знает. Ломти рыбы – примерно в ладонь сторка – были золотистые от поджарки и масла, разноцветная мешанина в длинной миске (вообще-то предназначенной в традиции для жареного мяса) пахла остро и приятно.

– А хлеба тут нет настоящего, – огорчённо и сердито сказал мальчишка, взбираясь на стул напротив усевшегося кен ло Хеерорда. – *Стик* вообще его не делают, мама... – короткий выдох, – ...мама сама пекла. Я думал, что тут есть, а тут только лепёшки жёсткие.

– Хм... – сторк обиженно придвинул к себе плоские кругляши ячменного¹⁷ *брида*. – У нас такой хлеб. И он вкусный, между прочим.

Землянин всем своим видом выразил недоверие, но больше ничего не говорил, только чего-то ждал, глядя на сторка. Кен ло Хеерорд помолчал, потом негромко сказал:

– Я же сказал тебе, что ты не раб.

Мальчишка удивлённо хлопнул глазами, потом неуверенно улыбнулся, высоко пожал плечами:

– Конечно не раб... Но тут же ваш дом. И вы мужчина и старше. Я же не могу начать есть первым...

Сторк заинтересованно спросил:

– У вас тоже первым начинает есть глава дома?

– Семьи, – поправил мальчик. – Дом – это у дворян. Но там тоже старший мужчина начинает есть.

– Тогда давай есть, – кен ло Хеерорд взялся за нож и двузубую вилку. И краем глаза поймал шkodливую улыбку мальчишки. – Что?

– Ничего, – поспешно замотал головой землянин. Потом снова улыбнулся и пояснил: – У нас не едят рыбу ножом.

Кен ло Хеерорд никак не отреагировал на замечание. Как и все сторки, он был не дурак поесть хорошо приготовленную пищу и удивился, если честно, обнаружив, что и рыба, и водоросли именно что приготовлены очень и очень хорошо. Не только старательно, но и просто-напросто вкусно. Наевшись от души и ощущая почти полное довольство, сторк налил себе *ширра*¹⁸ и поймал любопытный взгляд мальчика, который аккуратно (и широко) вытирал физиономию салфеткой – воспитанно вытирал, хотя перед этим вполне невоспитанно перемазался.

– Не стоит, – усмехнулся он и показал на широкогорлый кувшин. – Там яблочный сок. Консервированный, конечно.

– А это что? – мальчишка любопытно смерил глазами кувшин с *ширром*.

– Это то, что мальчики твоего возраста пьют только укрav и украдкой, – отрезал кен ло Хеерорд. – Заканчивай, пошли посмотрим твою кровать...

...Мальчишка тихо следил за тем, как кен ло Хеерорд работает, быстро подавал необходимое, а потом, когда сторк установил кровать и сильно пошатал её, чтобы проверить, всё ли получилось, как надо, вдруг спросил:

– А вот я читал... что у вас запрещено работать руками и всё делают рабы.

Кен ло Хеерорд покосился на мальчика, потом взял его за плечо и – удивлённого и напрягшегося – провёл в столовую. Показал бокал, повертел перед глазами землянина, отметив, что тот смотрит на вещь восхищённо.

– Красиво?

Мальчишка кивнул, потом спохватился:

– Да, очень! Как будто живой цветок... – и смутился своей горячности.

– Я сделал его сам, – просто пояснил сторк, ставя бокал на место. – В твоей книге было написано неправильно. Делать руками **красивые** вещи – не просто не запрещено, это поощряется. Просто обычно те, кто ровня моему Роду, выбирают кузнечное ремесло или строят *д'эжк*... э... лодки, красивые лодки. Мой отец строил такие лодки, пока у него была верна рука. Потом бросил, сказав, что ни к чему трясоукому портить доброе дерево.

¹⁷ На Сторкаде значительное количество флоры – идентично земной, хотя отнести планету к полностью геоморфным всё-таки нельзя.

¹⁸ Сторкадский напиток, в определённой степени напоминающий кумыс Земли. Не вызывает алкогольного привыкания и не оставляет «похмелья», хотя достаточно крепок.

Мальчик на миг помрачнел, потом – очевидно задумался, а потом прищурился немного ехидно:

– А разве кровать – красивая вещь?

– А разве я её **делал**? – задал в ответ вопрос кен ло Хеерорд. – Я её просто **собрал**. И ты бы собрал, если бы посидел подольше и не злился, а думал. Разве нет?

– Наверное да... – кивнул землянин. А кен ло Хеерорд продолжал, кивнув в другую комнату:

– И потом, разве она не красивая? Посмотри... Она может быть не только кроватью... – голос кен ло Хеерорда стал тише, как будто ушёл в волшебную даль. – Она может стать крепостью, бастионом, стены которого не преодолеть врагу, пока в сердце у защитника жива хоть капля мужества... А может превратиться в корабль и нести хозяина по морям... или стать иным кораблём – тем, что уносит отважных и сильных в моря звёзд...

Маленький землянин зачарованно и с восторгом следил за словами сторка...

...Он опять разбудил кен ло Хеерорда на следующую ночь – разбудил, потому что карабкался на его постель. Мгновенно проснувшийся сторк буркнул сердито:

– Ты что... – но осекся: мальчишка спал. Вернее – находился в полусне. Видимо, прежний страх всё-таки взял штурмом новенький бастион, поднял мальчика и толкнул искать место, где будет безопасно и не страшно, будет так, как было вчера ночью. Кен ло Хеерорд кашлянул и хотел строго приказать убираться на место, но мальчишка жалобно пискнул-хныкнул, подобрался под бок и затих, обеими руками сжав ладонь сторка. – А... – выдавил кен ло Хеерорд. Потом усмехнулся и лёг удобнее, не отнимая руки.

Он уснул. И проснулся только от того, что его пришёл-таки будить один из трясущихся от страха слуг – давно пора было вставать, ждали дела, ждал транспорт и уже несколько служащих с отчётами... а господин всё не выходил.

Мальчишка проснулся одновременно со сторком и тут же сел на постели. На его лице отразились замешательство, стыд и вызов, но потом он потупился и пробормотал:

– Я даже к маме уже давно не приходил... я не помню, как... я не хотел... я сейчас уйду... – и спустил ноги с постели, но кен ло Хеерорд подтянул его обратно за плечо – сопротивляющегося – и спросил:

– Тебе опять было страшно?

Мальчик засопел, кивнул и с отчаяньем – с таким, что уже всё равно – сказал:

– Я ночью какой-то сам не я. Днём ничего, а ночью как будто меня кто-то ведёт... трусливый такой... а я ничего не могу сделать... – он засопел носом, но не заплакал.

И тогда Заант кен ло Хеерорд, сторк Древнего Рода, сказал негромко:

– Мне тоже страшно по ночам.

Землянин поднял глаза – неверящие. Осмотрел сторка – смешно, внимательно. Недоверчиво спросил:

– Тебе?!

– Мне. Я лежу и не могу сдвинуться, а ко мне течёт горящий металл... Так было недавно наяву, и я не могу забыть. А потом я просыпаюсь и не могу снова заснуть. Меня будит любой звук... – мальчик, слушая, устроился удобнее, не сводя со сторка расширенных глаз. – А сегодня я спал так, как уже давно не спал.

– И мне тоже ничего не снилось! – заторопился маленький землянин. Сторк провёл ладонью перед его губами:

– Но ты уже взрослый. И ты мужчина. А мужчина борется со своими страхами сам. Только сам.

– Папа так говорил... – мальчик опустил глаза. Кен ло Хеерорд продолжал:

– Твой отец был храбрым и мудрым человеком. Помни, что он говорил.

– Мне очень страшно... Я не хочу их такими помнить и видеть... – мальчик прерывисто вздохнул. – А другие не вспоминаются. Особенно Лю-лю-лю-люсьска... страшно... – он обхватил себя за плечи.

– Вот что, – терпеливо и спокойно продолжал сторк. – Когда – да, когда – ты в следующий раз увидишь, как умирают твои близкие, ты не пугайся и не плачь. Ты стань прямо. Сожми кулаки. И скажи, что ты их по-прежнему любишь, что ты их помнишь и что ты за них отомстишь. Понял?

Мальчик, во все глаза глядевший на сторка, послушно кивнул...

...Это была уже третья ночь. Кен ло Хеерорд проснулся от того, что маленький землянин хныкнул. Отчётливо, протяжно. И, открыв глаза, прислушался, ожидая...

Хныканье повторилось. Но потом послышалось бормотание и выдох «...люблю...» А ещё потом мальчик повозился, вздохнул громко и успокоился. Послышалось ровное сопение.

Сторк удивлённо ощутил, что улыбается. Он согнал с лица эту улыбку и лёг удобнее.

И – уснул.

* * *

Вечер был хорошим.

Пришедшее среди прочих писем личное письмо было письмом от брата.

«...Заант, и мы бежали! Как в тех книжках, которые ты мне через силу читал, когда я ещё не умел сам. До сих пор не могу опомниться, как нам повезло. Пусть кто-то другой скажет тебе о том, какую роль сыграл я в победе; пока же знай, брат – не я был последним и в задумке и в деле... – кен ло Хеерорд тепло улыбнулся: хвастунишка! – Дело вряд ли могло увенчаться успехом, и лишь мы, Сыны Сторкада, могли пойти на такой риск и вырвать победу у Старух прямо из цепких морицинистых лапок. Прочим, что были с нами, поделом за их уныние и трусость дальнейший плен в руках землян. В общем, мы добрались до наших аванпостов и сейчас я уже дома, долечиваюсь. А тебя тут нет! Что ты-то забыл на этом мокром шарике?!»

Оторвавшись от письма, кен ло Хеерорд рассеянно посмотрел на маленького землянина, который сидел на полу перед горкой с посудой и рассматривал, задрав голову, малахитовый бокал. Он занимался этим уже довольно долго, но сейчас – видимо, почувствовав взгляд сторка – повернулся и неожиданно спросил:

– А у тебя есть компьютер?

– Есть, конечно, – кен ло Хеерорд с интересом поднял бровь. – А зачем тебе? Хочешь узнать наши секреты?

– Нееет... – мальчишка улыбнулся осторожно, потом пояснил: – Я мультик нарисовать хочу. Я вот сижу, на бокал смотрю, и одну сказку вспоминаю... Легенду, не сказку, – поправился он.

– Мультик? – кен ло Хеерорд попытался вспомнить слово, но не вышло, и он спросил: – А что такое мультик?

– А ты компьютер дай – я покажу! – хитро заявил землянин. И опасливо потупился, потом искоса посмотрел на сторка. Но кен ло Хеерорд и не думал обижаться. Выдвинув ящик стола, он достал мощный офицерский планшет, которым теперь, как видно, уже не придётся пользоваться... поманил мальчишку. Тот подскочил быстро, наклонился над столом. – Интересно, что ты будешь делать, если даже алфавита нашего не знаешь, – не без ехидства произнёс кен ло Хеерорд...

...Ехидство сторка было посрамлено уже на следующий день. Когда кен ло Хеерорд вернулся домой, землянин, лёжа на полу в зале, уже вполне ловко тыкал пальцами в кнопки, а на экране двигались рисунки – а, вот что такое «мультик»!

– Ничего компьютер, только старый, наверное, – через плечо сообщил землянин. И важно добавил: – Примитивный. Во многом.

Кен ло Хеерорд мысленно хмыкнул – планшет был не самый новый, но уж никак не старый. Удивляло – и немного пугало – как быстро мальчишка с ним разобрался, видимо, чисто интуитивно, не мог же он язык выучить за несколько часов?! – и то, что маленький землянин, видимо, на самом деле считал эту разработку «примитивной». Что же тогда – НЕпримитивно по его понятиям?

Впрочем, самого мальчика, кажется, эти вопросы ничуть не волновали. Он был явно доволен тем, что у него получилось и нетерпеливо затрещал:

– Давай скорей поедим, и я тебе покажу, что получилось, тебе понравится; а лучше сперва давай покажу, а потом поедим... – перевёл дух и признался: – Только я звук ещё не сделал. Не разобрался... пока. Я на память говорить буду, ага?

– Хорошо, – согласился кен ло Хеерорд, осторожно перенося компьютер на стол. – Иди-ка сюда... вот так. Ну давай. Я слушаю и смотрю...

... – «Ну что, не вышел твой каменный цветок, Данила?» – спросила она его тогда грустно. Вот, пока всё.

Мальчик закрыл на экране компьютера последний кадр своего мультфильма и, повернувшись к внимательно слушавшему кен ло Хеерорду, застенчиво спросил:

– Понравилось?

Сторк медленно кивнул.

– Красивая легенда. А главное... – он свёл брови и двинул углом рта: – Главное, знаешь... почти точь в точь такие слова я услышал от одной девушки. Пять вёсен назад. Странно...

Мальчик удивлённо оглянулся на погасший экран, потом удобней строился коленками на стуле и навалился локтями и грудью на стол. Наклонив голову, рассматривал сидящего рядом сторка, который молчал и тоже смотрел в экран.

– Ты сделай дальше, – попросил кен ло Хеерорд, не сводя глаз с молочно-матовой поверхности. – Я хочу узнать, чем там кончится дело у твоего Дэннолу.

– Я... я сделаю, – мальчик помедлил и спросил: – А у тебя есть жена... дети там?

Кен ло Хеерорд встал, потянулся:

– Мой каменный цветок ей не понравился, а на других я не смотрел и не смотрю, – не очень понятно ответил он. – У нас если женщина говорит – уходи – мужчина уходит молча. И навсегда. А как ему жить дальше и что искать – он решает сам... – он перевёл взгляд на мальчишку, который внимательно – даже раскрыв рот – слушал и бросил: – Ну ладно. Пошли-ка есть. Что ты там приготовил?..

...Сны не исчезли совсем. Но они стали реже и изменились немного. В них начал появляться мальчик. Может быть, это был маленький землянин, а может быть – несбывшийся сын кен ло Хеерорда. Совершенно спокойно, словно в тёплую воду, он наступал в оранжевую бурлящую лужу – одной ногой... другой... и как по волшебству жидкое пламя превращалось в прозрачность лесного озера, и кен ло Хеерорд облежённо падал – раскинув руки крестом – спиной в горячее разнотравье и закрывал глаза...

* * *

Прошло

четыре года Сторкада, пять лет Земли, два долгих здешних года – два сезона дождей, два сухих сезона

Воспитанника не было. Последнее время он исчезал вот так по вечерам не так уж редко, но сейчас кен ло Хеерорду было не до этого. Вообще ни до чего. Он с трудом заставил себя не хрястнуть дверью – нет, пусть охрана думает, что у него обычное настроение. Хотя – новости знают и охранники. Печальные новости. Но они вряд ли им верят. Раз фантор – сторк Высокого Рода – оставался спокойным, то значит и им, принадлежавшим к низким Родам, а то и вовсе безродным, беспокоиться было не о чем. Кроме того, каждый из них с детства знал, а точнее

жил этим – Сторкад непобедим и непоколебим. Нет среди звёзд силы, способной пошатнуть и тем более опрокинуть Империю.

Кен ло Хеерорд думал так же. Точно так же. Но...

...Но вот только новости и правда были плохие. После своих ошеломляющих не столь давних побед земляне разворачивали наступление – неуклонно, а если не очень быстро – так это потому, что и фронты расширялись, а у них не хватало людей. Альянс отступал. Он бы побежал, если бы не жёсткая хватка Сторкада, державшая воедино всех – и союзников, и откровенных рабов.

Ходили слухи, что и отсюда придётся эвакуироваться... Совсем близкая к Туманной Луже джаганская Луна – огромный флотский склад топлива – была вчера разрушена налётом землян. По их классификации – на восемь итилей.¹⁹

С кухни пахло едой – приятно, конечно, прежде, чем убежать, землянин приготовил ужин. Аппетита не было совершенно, но надо всё-таки поесть. Надо, надо, надо. А то мальчишка опять расфырчитя, как обиженный котёнок накъятт: «Я старался, а ты не ешь ничего, ты скоро в обморок падать станешь, ты большой дурак, вот и всё!» И ещё это добавит по-русски – «ко-лѣ-минзкхайа вьеррззта». Кен ло Хеерорд как-то ради интереса попробовал узнать, что значит это странное ругательство, но нашёл в справочниках только «версту» – древнюю русскую меру длины – и русский же город Коломну. И всё. Как их соотнести – осталось загадкой, тем более, что сам мальчишка этого тоже не знал. А готовил он, кстати, великолепно.

О войне они по обоюдному согласию не заговаривали вообще. Это было странно. Дико. Как-то даже противоестественно.

Но так и было.

Ни разу за всё прошедшее время.

На столе рядом с аккуратной и заботливо накрытыми крышками – чтобы не остыло – тарелками – лежала книга из библиотеки кен ло Хеерорда. Бумажная, хорошо знакомая самому фантору: Беру токк Беру ап мид Роаг, «Непрощенные соседи»... Присев к столу, кен ло Хеерорд принялся за еду, одновременно листая страницы – много раз читанные. Книгу ему подарил сам автор, а написана она была вскоре после «отката» Медленной Зоны, и тот, кто её писал, хорошо знал землян – насколько сторк вообще мог их знать «хорошо». Беру токк Беру полтора года путешествовал по освоенному землянами сектору космоса, и был на самой Земле. И вот теперь кен ло Хеерорд, подперев щеку рукой, вчитывался в уже много раз читанные строки...

...К своему изумлению, вскоре я поймал себя на мысли, что я совершенно не понимаю, кто и как управляет землянами. Я имею в виду не то управление, которое есть государство – тут более-менее было понятно. Меня заинтересовало и удивило – а что же руководит землянами в повседневной жизни? Учитывая, что их раса в целом немногочисленна и расселилась очень широко относительно своей численности, я не мог понять, что мотивирует те или иные их действия и руководит их поступками.

Ещё при поверхностном знакомстве у меня сложилось твёрдое ощущение, что земляне стараются не иметь дела с государством; даже само это слово употреблялось ими крайне редко. Их поселения фактически самостоятельные самоуправляющиеся единицы, а то, что многие наши принимают за «государственный аппарат на местах» на деле не более (и не менее, впрочем) чем какая-то странная, децентрализованная до предела, но при этом молниеносная в реакциях на любые вызовы структура освоения и покорения нового, практически не вмешивающаяся в повседневные дела простых людей, постоянно находящаяся на периферии и не огля-

¹⁹ Итиль – условная мера разрушения инфраструктуры противника во время войны, принятая Объединёнными Вооружёнными Силами Земли в период Первой Галактической. 1 итиль – неспособность обеспечивать гражданское население всем спектром товаров и продуктов. 10 итилей – полное разрушение инфраструктуры. Единица названа так по г. Итилю – центру разбойничьего Хазарского Каганата – полностью уничтоженному русским князем Святославом Отважным.

дывающаяся назад. Жизнь масс обычных людей она никак не контролирует и даже не организует в привычном нам понимании этого слова.

Я не мог понять этих людей. Они не платят налогов. У них нет обязательной государственной службы в каком-либо виде. Они совершенно равнодушны к публичной жизни. Концерт школьного хора родного посёлка может привлечь их больше, чем прибытие на планету видного чиновника, причём и сам чиновник вовсе не ждёт при этом встречи-окации! Столь идеальные индивидуалисты, казалось бы, просто не могут, в принципе не способны, образовывать стойкие сообщества.

Но при этом эти потрясающие индивидуалисты ежегодно выстраивают конкурсные очереди на каждое освобождающееся для службы государству место и буквально преклоняются перед самой идеей Империи. Как это можно – самому пахать землю в дне неспешного пешего пути от огромного космодрома и не интересоваться им – но при этом гордиться сыном, который служит на этом космодроме... и спокойно услышать от внука, что он хочет пахать землю?! Иметь брата, служащего в армии, восхищаться им, но при этом всего лишь разводить лошадей... однако и самому стрелять ничуть не хуже любого солдата?! Какое дело человеку, который ни разу ни монеты не дал государству и фактически не видел от него ничего – ни хорошего, ни плохого?! – до этого государства?! Почему садовод спокойно снимает со стены оружие и идёт защищать государственные склады от мигрирующих животных или и вовсе спешит на помощь никогда не виденному другому человеку, попавшему в беду – тратя время, силы, рискуя жизнью?! Каким образом, откуда в считанные часы на пути любой опасности вырастают непоколебимые, невесть откуда взявшиеся стены – из техники, специалистов, руководителей?! Куда деваются эти стены после того, как опасность отражена?!

Я запутался в этом всё прочно и, видимо, навсегда. О земных дворянах мне говорить проще – они похожи, они очень похожи на сторков хороших Родов. Но всё-таки и их я не могу понять. При их сплочённости и организованности они могли бы стать монолитной, неуязвимой правящей кастой. У них есть для этого всё. Кроме желания. Я пытался это осознать. Хотя бы осознать, о Предки, потому что принять это невозможно. Если же учесть, что они достаточно охотно пополняют свои ряды не-дворянами и даже часто дают им эти звания, а то и просто устраивают конкурсы среди самых обычных детей 4—5 лет, чьи родители согласны дать ребёнку шанс стать дворянином... это что – болезнь – стремление как можно шире делиться своими правами и возможностями вместо того, чтобы извлекать из них личную пользу?! Почему дворяне считают, что они – ничто без остальной массы, которая, как я уже сказал, во многом неадекватна и в общем-то потрясающе инертна?! И почему сама эта масса при дворянской беспечности ещё не захлестнула и не пожрала эту касту?!

В целом я должен признать, что жизнь Земли для меня осталась столь же понятной, как жизнь дерева – которое несомненно дышит, растёт, даже движется, но при этом ничего общего не имеет со сторком...

Кен ло Хеерорд раздражённо захлопнул книгу и посмотрел за окно – в дождь. Воспитанника всё не было... а у кен ло Хеерорда давно зрело сильное подозрение, что мальчишка просто-напросто ходит куда-то в миссию. Там к нему привыкли, его ровесники не отказывались взять землянина в игры... и ладно бы игры. Но кен ло Хеерорд подозревал так же, что ходит мальчишка к женщине. Ну – к девчонке немного постарше себя, из Безродных, конечно. Но если это обнаружат родители – парня убьют, невзирая на то, что он «принадлежит Заанту кен ло Хеерорду» Да и девчонку убьют почти наверняка.

Объяснять, что мальчик принадлежит ему не больше и не меньше, чем он сам – мальчику, этот самый Заант кен ло Хеерорд не взялся бы даже себе самому. Это было вне разума, чести, закона, обычаев и вообще всего во Вселенной.

Он раздражённым движением налил себе ширра и твёрдо решил заняться текучкой, которой сегодня накопилось – выше любых возможностей...

...Кен ло Хеерорд ошибался, думая, что его воспитанник околачивается в миссии. Мальчика там не было.

Посёлок рядом с космодромом сильно разросся за последнее время и стал шумным. Теперь тут жили не только *стич*, но представители двух десятков рас, а корабли приземлялись по несколько десятков раз в день, и для их экипажей была отстроена целая улица магазинчиков, борделей, кантин и гостиниц – улица, шум на которой не утихал круглые сутки.

«Звёздная Россыпь» была кантиной весьма популярной благодаря в первую очередь своей дешёвизне. Именно поэтому же основную её клиентуру составляли джаго, хотя владельцы гостиницей несколько родичей-калмов. Калмы буквально изводили всех вокруг бесконечными жалобами на разорение, поборы, убытки, унижения, погромы, издевательства и прочее – но при этом упорно не закрывали заведения, а из их клиентов считанные единицы уходили из «Звёздной Россыпи» своими конечностями и хотя бы с мелочью на карточке или в кошельке. Кен ло Хеерорд, например, по роду занятий отлично знал, что счёт калмов в одном из банков их родной планеты плавно и неуклонно растёт каждый день – но его это совершенно не касалось. Его не касалось ничего кроме вещей, от которых зависел грузопоток, идущий через планету – ну и дел, в которых оказывались замешаны сторки. А такие возникали нечасто – соотечественники кен ло Хеерорда в окружении дикарей-чужаков всегда держались сплочённо, настороженно и не позволяли себе, например, напиться.

В отличие от тех же даго...

...Как раз сейчас, рыгая и урча, один из представителей этой славной расы раскорячился возле крыльца кантины, бурно зажурчал. Урчание сменилось смешанным с бульканьем мочи довольным похрюкиванием, а оно в свою очередь – удивлённым выдохом, когда что-то упало на него сзади и сверху. Что-то, не очень тяжёлое, и джаго собирался уже удивлённо стряхнуть это... но горло вдруг вспорола, рассекла слева направо огненная боль, и гигант изумлённо увидел, как на стену напротив него хлещет кровь. Его кровь.

Его зарезали.

Он завалился на спину. Хотел взречь – не получилось, наружу вырвался клокочущий сип. Попытался ещё, булькая перерезанным горлом, встать, но какая-то тонкая фигурка наступила ногой на вздымающуюся грудь, и сил столкнуть эту ногу не было. Джаго ещё увидел в ночи белизну ясной, ликующей улыбки и услышал слова своего языка – старательно произнесённые: «Эта планета. Вспомни. Семья. Земляне. Хорошо – ты был жив это время. Я убил тебя. Я их младший сын.»

Потом жизнь покинула содрогающуюся тушу...

...Мальчик огляделся. Нагнулся и с усилием, но ровно потащил удобно скользящую по грязи падаль за навес.

Дело ещё не закончено...

...Когда влезший в окно – что сигнализация на окне отключена, кен ло Хеерорд обнаружил при тщательном осмотре помещения сразу после ужина – воспитанник обнаружил, что сторк сидит в кресле точно напротив этого окна и ждёт, то ничуть не смутился. Мальчишка был бос, насквозь мокр и тих, как ночная тень, хотя тащил на плече большой мешок. Тоже мокрый... только как-то **иначе** мокрый. Не от дождя. Нет. Тёмные густые потёки на плотной синтетической ткани точно не было дождём.

Это была кровь.

Поймав выжидательный взгляд кен ло Хеерорда и смерив взглядом стоящий рядом с креслом *х'онд*, землянин усмехнулся и, с усилием подняв мешок, вывернул его.

Кен ло Хеерорд сел прямее, когда увидел, что тяжело выкатилось на пол комнаты.

Это были головы.

Пять голов джаго – с выкаченными, налитыми кровавым ужасом глазами, с кровью на посмертных оскалах за синими губами.

Мальчик стоял над ними, расставив ноги – и улыбался. Лицо его было страшным и весёлым, как у *зуртса* – демона войны. Куда страшней отрубленных голов.

– Мне повезло, старший. Я и не думал, что может так повезти! – он скривился. – Вот этот, – толчок ногой, – вдел в петлю мою сестру. Этот и этот вместе вешали отца и маму. Этот повесил брата. Этот командовал казнью. Я не различаю их хари, но они сегодня сами вспоминали свои подвиги, а я услышал. Теперь их нет, и мне хорошо! – мальчик раскинул руки и засмеялся – чисто и звонко. Оборвал смех, тревожно поглядел на кен ло Хеерорда, который молча наблюдал за ним. Спросил быстро: – Я что-то сделал не так, старший?

– Ты всё сделал правильно, воспитанник, – кивнул кен ло Хеерорд, ещё раз окинув взглядом головы и усмехаясь так же, как мальчик, только не столь ясно. Мальчишка просиял и гордо встал ещё прямей – казалось, он готов заскакать вокруг жутких трофеев и сторка, как жестокий бесстрашный зверёныш вокруг старшего: ты похвалишь?.. ты ведь... ты похвалил!.. здорово-оооууу!!! – Теперь иди помойся и ложись спать.

Мальчишка кивнул, сделал два шага. Остановился, помедлил, опустив голову. Потом повернулся к сторку и спросил виновато:

– Ты беспокоился за меня?

– Да, – коротко ответил кен ло Хеерорд. – Если бы не эти головы – ты бы точно отведал палки.

– Прости, – покаянно вздохнул землянин. Посмотрел виновато. И поспешно вышел, почти убежал...

...Когда – расчёсывая мокрые волосы – мальчишка вернулся из душа, кен ло Хеерорд не спал, а сидел за столом и двигал по нему два бокала, словно играл в какую-то настольную игру с неясными правилами. Лицо сторка было печальным и самоуглублённым – это мальчишка понял, осторожно заглянув сбоку. Голов джаго в комнате больше не было, но сейчас мальчик об этом даже не подумал. Ему стало жалко сторка – уже не в первый раз, тем более, что он отлично понимал, почему кен ло Хеерорд печален. Понимал.

Кен ло Хеерорд, конечно, оставался скрытным и выдержанным, как и все сторки. Но у него был очень маленький опыт знакомства с подростками и никакого – с подростками-землянами. То, что сторк считал надёжно скрытым ото всех, для юного землянина было если не открытой книгой, то, во всяком случае, давно не было тайной. Мальчишка, постояв рядом, тихонько вышел снова, и на этот раз возвращение его кен ло Хеерорд отчётливо услышал: звякнула струна. Мелодично, чисто – словно по-дружески окликнула.

*Джэни*²⁰ мальчишка сделал себе сам два года назад – по чертежам из компьютера, заинтересовавшись сперва какой-то исторической книжкой, где этот инструмент был на иллюстрациях. И сам же научился играть по видеоурокам. Если честно, кен ло Хеерорду нравилось слушать, как землянин поёт и играет. У сторков мальчишки хороших родов обязаны были уметь петь и играть, но в голосе землянина было что-то такое, чего не было ни у кого из слышанных кен ло Хеерордом юных соотечественников. Сейчас сторк, правда, не был особо настроен слушать пение и уж нахмурился, глядя, как землянин устраивается на краю стола, уже привычно кладёт *джэни* на колено, делается серьёзным... Но умоляющий взгляд, брошенный кен ло Хеерорду в последний момент, заставил того отказаться от резкого: «Марш спать!» – и с недовольным вздохом устроиться у стола удобнее: мол, слушаю, пой и убирайся.

Недовольства хватило точно до первых строк ранее никогда не слышанной кен ло Хеерордом песни.

²⁰ Музыкальный инструмент Сторкада – развитие чего-то вроде гуслей, в процессе эволюции обзаведшихся грифом. Имеет от восьми до двадцати струн. Вместе с *ваальду* (двойной флейтой-струнником), *гирриом* (рожком) и *рэммом* (небольшим барабаном) входит в традиционный исторический набор музыкальных инструментов Сторкада, крайне популярный у сторков до сих пор.

Мальчишка очень точно подметил стиль сторкадской музыки и песенного стиха-*заанка*²¹ – и сейчас воспроизводил его так точно, что кен ло Хеерорд удивлённо замер в неудобной позе. Но дело было даже не в этом, а – в **смысле** песни, который начал доходить до сторка не сразу...

– Утешенья не дарит
Упавшая с глаз пелена...
Слишком долго хранившая верность
Осталась одна...
Молчаливо сидит у окна...
Ждёт прихода весны...
Предки, предки,
пошлите сегодня
счастливые сны...

Аромат ночных цветов
Стелется по комнате...
Он почти забыл о том,
Что опасность есть —
В глубине блестящих глаз
Утонуть, как в омуте...
Он во власти ведьмы чар
Растворился весь...

Говорят, что о любви
Даже думать нечего,
Не сложив свои слова
В стих – хотя бы раз!
А в движении ресниц
И улыбке девичьей
Угадать не тот ответ
Есть большой соблазн!

С неба падает звезда...
Хватит быть доверчивой!
Бесполезно под звезду
Подставлять ладонь...
Зеркало ударь об пол —
Зазмеятся трещины...
Взмахом волосы обрежь.
Косы брось в огонь.

Что поделать, если всё,
Что тебе обещано,
С первым солнечным лучом
Обратилось в дым?..

²¹ Песенные стихи балладного типа. Но в отличие от баллад (и сторкадских *сэокг*, рифмованных, ритмованных и прозаических) в *заанках* никогда не упоминаются конкретные и реальные имена, времена и места. Однако при этом он сложен так, что очень многие слушающие начинают ощущать *заанк*, как что-то, спетое о них самих.

Говорят, в Семи Мирах
Места нет для женщины...
И в особенности – нет
Для таких, как ты...

Утешенья не дарит
Упавшая с глаз пелена...
Слишком долго хранившая верность
Осталась одна...²²

Землянин опустил руку, поставил *джэни* на подъём босой ступни и замолчал, не глядя на сторка. Кен ло Хеерорд тоже молчал, глядя перед собой. И вздрогнул от прикосновения – словно проснувшись.

– Напиши ей, старший, – тихо сказал мальчик, положив руку на плечо сторка. – Ты можешь ей написать и сказать, что не сказал. Я думаю, что она тебя любит. Ну... я уверен, Заант. Уверен.

– Ты что – колдун? – буркнул кен ло Хеерорд, не сбрасывая руку. – Ты не видел ни её, ни нашей планеты; ты даже имени её не знаешь, ничего – только десяток моих слов. Так с чего ты решил...

– Я не колдун, – мальчик отложил *джэни*, пожал плечами, сел напротив за стол. И решительно закончил: – Но я уверен, что прав. Напиши. Ну... недаром же я сложил эти стихи! – его голос стал почти умоляющим.

– Напишу, – вдруг сказал кен ло Хеерорд.

И с удивлением ощутил, как в груди что-то лопнуло – без боли – рассыпалось и...

...и ему стало легко. Легко и хорошо. Вопреки всем, что происходило в мире.

Так, что он засмеялся, вызвав изумлённый взгляд воспитанника. И тут же оборвал смех, приказал сурово:

– Головы тварей обработаешь завтра. Как сам захочешь.

– Я **никак** не хочу, – отрезал мальчишка и тут же глянул хищным зверьком. – Они не враги, они звери и убийцы. Я свалю их в выгребную яму за селением *стчк*.

– Это твои трофеи, – спокойно согласился строк. – Но лучше не туда. Джаго будут искать головы, если найдут – обвинят твоих любимчиков. А они найдут. Им не привыкать копаться в дерьме, даже в чужом.

Мальчишка задумался.

И кивнул...

..Землянин в интересе к *стчк* был в самом деле нелогичен и неуёмен. Сторк искренне поражался, как всё-таки существо, до такой степени похожее на сторков, может интересоваться хоть какими-то делами туземцев, что у них может быть общего?! Кен ло Хеерорд снова окинул взглядом сидящего на столе мальчишку и хмыкнул:

– Тысячу лет назад тебе выжгли бы глаза²³.

– Нет, – мотнул головой землянин. – Я был бы не просто певцом, а таким, как он, – и кивнул на висящую на стене картину-репродукцию, которую сам же и распечатал и повесил. На фоне закатных туч, багровых, сизых и фиолетовых, мчались навстречу друг другу два отряда воинов на накъятт. На переднем плане – на жемчужно-золотистом прекрасном звере – летел, буквально рвался вперёд, как ветер, бездоспешный, только в латном поясе, поножах и крылатом шлеме, юноша с полными зелёного бездонного безумия глазами. Смеясь, он правой

²² В оригинале – «Лисья сказка» Хельги Н Кенти.

²³ У сторков очень долго, почти до космической эры, бытовал жестокий обычай лишать зрения певцов – чтобы усилить «внутреннее зрение». Но это касалось обычных певцов, *тэдов*, а не певцов-воинов – *тангсадов*

рукой поднимал короткий широкий меч, а левой бешено бил – художник уловил этот момент и запечатлел его во всей яркости и ярости – в закреплённый у седла двойной *рэмм*. Не сводя глаз с репродукции, мальчик прочёл:

– Помни, воин – в жилах кровь
Древних доблестных родов.
Гордись! Гордись!
Гордость – для твоих детей,
Кровь за это не жалей
И жизнь!²⁴

Потом он бросил на сторка весёлый взгляд, поклонился и выскочил, на ходу барабана что-то воинственное по корпусу *джэнна*.

Он не видел странного, полного печали и какого-то... раскаянья?.. взгляда кен ло Хеерорда – и не слышал, как тот, поднявшись на ноги, подошёл к окну – и, глядя в дождливую глухую ночь, сказал тихо:

– Поглотил кольчуги тлен,
Меч валяется в пыли...
Где былых набегов жар,
Леденящий хохот звёзд?..²⁵
И зябко передёрнул плечами.

* * *

На том, чтобы фантор Заант кен ло Хеерорд взял три дня отдыха, настоял врач миссии, аргументировавший это просто и ясно: «Если ты ещё неделю поработаешь так, то подохнешь.» В ответ он услышал кое-что про знахарей, которые только и умеют, что варить волосатых червей на прибрежной полосе и продавать отвар за средство для вечной молодости. Но у врача в отличие от его идейных предков-знахарей был неотразимый аргумент: официальное разрешение налагать запрет на работу.

Правда, если честно, кен ло Хеерорд рычал только для вида. Он сам чувствовал, что отдых нужен. И первые сутки просто-напросто проспал, совершенно каменно и без снов.

Первым, кого он увидел, проснувшись, был, естественно, землянин. Он, сидя на пороге (место ему полюбилось с тех самых, первых дней), проверял охотничий топор.

Страсть к охоте у мальчишки кен ло Хеерорд не воспитывал и не вызывал – она сама пробудилась, что, по мнению сторка, свидетельствовало о хорошей породе воспитанника. Сторки, как и земляне, относились к этому занятию с большим увлечением и вполне научно. Конечно, расы бывают разные, но для некоторых – в том числе и сторков с землянами – давно было доказано, что запреты и необоснованные ограничения на охоту сильно вредят здоровью нации в целом, вызывая к жизни массовые психические расстройства и эпидемии немотивированной, слепой агрессии по отношению друг к другу; по крайней мере, служат одной из коренных причин таковых. Ещё в начале Промежутка учёные на Земле заметили, что «культивированно миролюбивые» человеческие особи склонны ко лжи, трусости, истерии, сексуальным и психическим патологиям, а в моменты исчезновения внешних сдерживающих факторов – власти, закона, тюрем – мгновенно превращаются в записных садистов. У сторков такой вопрос не поднимался вообще, так как в их истории не было достаточно полных аналогов земному Веку Безумия²⁶

²⁴ Стихи «Сказочника».

²⁵ Стихи Рандира.

²⁶ Так историки Земли стали называть период с 1914 года по начало Третьей Мировой войны, когда поражённое быстро прогрессирующим под давлением «синдрома лемминга» «чёрным эгрегором» белое человечество последовательно разрушало свою среду обитания, мораль и культуру. Большинство из сделанного в тот период людьми и подававшееся, как «достижения» и «новые этапы развития» – особенно это касается последних 20—30 лет – при непредвзятом рассмотрении представляет

Стчк не охотились. Собственно, они вообще промышляли рыбной ловлей во всех её видах, а в горные леса и не совались далеко...

...Как всегда, поймав взгляд сторка, мальчишка обернулся с улыбкой и проворчал:

– Спишь, спишь... Выспался?

– Наконец-то да, – кен ло Хеерорд сел в постели удобней. – А ты что, на охоту собрался?

– Я с неё пришёл, – пояснил землянин. – В горы ходил, принёс вот такого... – он раскинул руки, подумал, критически глядя на них, и сократил расстояние на пару ладоней, – ...такого *уаллу*.

– Надеюсь, он уже на кухне? – кен ло Хеерорд проявил заинтересованность: *уалла* был зверем скрытным, тихим и очень вкусным.

Мальчишка кивнул. Задумался, вертя топор. И вдруг сказал, не глядя на сторка:

– Я на обратном пути заглянул в прибрежные селения, в парочку... Они уже много дней в море не ходят.

Кен ло Хеерорд зевнул, сел прямее, сложив на груди руки и всем видом показывая, что ему это не интересно совершенно. Как обычно, это ничуть не помогло – оставив топор, землянин переместился к кровати, сел в ноги и стал устраивать из края лёгкого одеяла что-то вроде ушей, надетых на пальцы. Занимаясь этим наиважнейшим делом, обронил:

– Там *к'обб* завёлся. Запрыгивает прямо в лодки, уже штук десять утопил, а рыбаков просто сожрал.

Кен ло Хеерорд проявил слабый интерес – по крайней мере, не стал укладываться обратно. *К'обб*-ов он видел только на снимках, хотя и само название было сторкадским, местные называли это существо, похожее на смесь большого джаго, маленького *рааххэна*²⁷ и рыбы-*руадды*²⁸, многословными посторонними эпитетами, чтобы не накликасть.

– Я подумал... – мальчик поднял глаза. – Может, выйдем в море на катере и поохотимся? И интересно, и тебе отдых, и вообще... разведемся. Погода хорошая ведь. А скоро уже опять сезон дождей разойдётся... тогда не поохотимся... И ты выспался.

– Лень, – поразмыслив, буркнул сторк и взял со столика у кровати книгу, раскрыл её, решительно отгородившись от мира. Через пару секунд в обложку осторожно, но настойчиво поскреблись. Кен ло Хеерорд опустил книгу на одеяло: – Ну что ещё?!

– Они же ведь голодают уже же, – тихо сказал мальчишка. Сторк сломал брови, кашлянул, вздохнул и, устроившись удобнее, снова поднял книгу. Но тут же опустил её – за секунду до того, как землянин снова поскрёб обложку:

– ЧТО?!

– Послушай... – начал снова мальчик, и в его голосе прозвучало плохо скрытое коварство, – говорят *к'обб* большой. Очень. И умный, как будто разумный. Как думаешь, кто-нибудь вообще когда-нибудь убивал такого?

Кен ло Хеерорд со стуком захлопнул и отложил книгу, потом быстрым жестом притянул мальчишку за ухо и сообщил:

– Ты тощий, надоедливый, ехидный провокатор.

– Это значит... – голос землянина звучал слегка напряжённо, потому что сторк сдавил его ухо не в шутку, – ...что я готовлю вылазку?

– Это значит, что ты тощий, надоедливый, ехидный провокатор – и что ты готовишь вылазку.

интерес только для клинической психиатрии.

²⁷ Огромный (до 150 метров со щупальцами) кальмар на Сторкаде. Нападал даже на прибрежные замки. В настоящее время существование *рааххэна* ставится под сомнение; последний раз его видели (и убили) за три века по счёту Земли до описанных в повести событий.

²⁸ Больше всего на эту рыбу похож на Земле скат-манта.

– Ура, – задумчиво ответил мальчишка, потирая ухо. – Я быстро. Мгновенно прямо... – он соскочил с кровати и, словно опомнившись, грозно добавил, пиная её: – А ты вставай, хватит лежать!

* * *

Водомётный катер, на котором они вышли в море к отмелям, где чаще всего видели *к'обб*-а, имел и вёсла, аж две пары. Это был армейский образец, пластиковый, но в сторкадском стиле – залищенный, крутобортый, с высоким носом и острым килем, мгновенно реагирующий на любой поворот руля и толчок весла.

Сейчас работала одна пара – землянин, кидая на сторка сердитые взгляды через плечо, старался вовсю, а кен ло Хеерорд, развалившись на носу, мурлыкал простенький древний мотивчик и громко, с удовольствием, руководил.

Если честно, он ничуть не жалел, что поддался на нехитрые провокации воспитанника. Погода и правда была отличной, и мысль о том, что завтра ещё можно будет отдохнуть весь день, и сегодня ещё почти день есть, а впереди охота – эта мысль наполняла душу мягким теплом. В конце концов, бывают моменты, когда для счастья нужно совсем немного...

– Чего ты раскомандовался?! – не выдержал наконец землянин. – Руководишь тут, как... как рабом каким!

– Ха, – отозвался сторк. – Да будет тебе известно, что раб, коснувшийся...

– ...вёсла, – со вздохом продолжал, налегая, мальчишка, – становится свободным и причисляется к роду, руками людей которого весло сделано... – и, подумав, возмутился: – Мне что, причислиться к Роду 14-го Оружейного Имперского Завода?! Это корыто там отлили, и вёсла тоже! Тут написано!

– Ты не раб, а свободный, – пояснил сторк. – Поэтому рабы сидят на берегу в безопасности и ждут решения проблем, а мы добровольно плывём на страшное чудище, да ты вдобавок ещё и стираешь руки вёслами. Понял разницу между рабом и свободным?

– Они не рабы, – возразил мальчишка, удобней упирая ноги и всей спиной выражая несогласие. Сторк поправил в стойке копьё и холодно улыбнулся:

– Если бы это было так, они бы сами убили эту тварь.

– Они просто не умеют убивать.

– Должны были научиться. А они вместо этого сидят в хижинах и покорно ждут смерти от голода.

– Шэни, например, тоже не любят убивать. Но они в сто раз умней вас... и нас. И что, они рабы?

– Конечно, – удивился кен ло Хеерорд. – Вдвойне рабы. Эти местные насекомые хоть тупы, а шэни и правда умны. Но если кто-то умён, но при этом трус – он вдвойне раб.

Мальчишка посмотрел сердито и сильно гребнул – у него не находилось возражений. Кен ло Хеерорд спор продолжать не стал – лениво проводил взглядом идущий вдали корабль, чёрный с белым транспорт и, повернувшись, всмотрелся в воду:

– Отмели начинаются!

Он знал, что это за корабль – и внезапно ему стало неприятно и захотелось поскорей забыть об увиденном.

Мальчишка – он на корабль особого внимания не обратил – тут же поднял вёсла, пересел на корму и взял одно в обе руки – подгрести. Кен ло Хеерорд, вытащив из сойки любимое копьё, встал на колено на носу, приготовив оружие.

Внизу, под днищем, из прозрачной воды, постепенно темневшей вглубь, там, где начинались океанские бездны, медленно и полого начало подниматься дно. Сперва однотонно-серое, оно постепенно обретало новые и новые краски, расцветивалось яркой морской растительностью, оживало от стаек рыб. Вскоре начало казаться, что его можно достать веслом, хотя на самом деле даже в самом мелком месте отмелей – если не считать цепочек рифов, тут и там

их рассекавших – глубина была в два роста кен ло Хеерорда. А в большинстве мест – в два-три раза глубже.

– Лодка, – сказал сторк спокойно.

Катер проплывал над остатками туземной лодки, больше похожей на плот. *Стчк*-рыбаки вязали их из камыша, и такая лодка в принципе не могла утонуть. Даже если разваливались или разрывались спаивавшие её в единое целое верёвочные прочнейшие стяжки – каждая отдельная охапка камыша в свою очередь становилась неплохим плавсредством.

Эта лодка и не утонула. Кто-то с силой втиснул её в расщелину между двух каменных глыб и заклинил там.

Сторк и землянин переглянулись.

– Ничего себе... – выдохнул мальчишка и тут же поближе переместил топор. Сторк осклабился:

– Уже перепугался, отважный борец за счастье дураков? Знаешь, почему в давние времена таким, как ты, советовали плавать по морям без штанов? Чтобы меньше было стирки!

Мальчишка вспыхнул, но промолчал, только начал грести тише и размеренней. Сторк же, от душим развлекаясь и дурачась сам, как мальчишка, стал рассказывать, что и первый-то *д'экс* сладил в незапамятной давности некто Йаррни кен ло Суаг по прозвищу Обоссанный – сладил от досады, потому что ещё совсем сопляком, в первом же полёте на *накъятт*, обмочился со страху, и с тех пор ни один зверь не брал его на свою спину, морщился и шипел, да и просто улетал, а добираться с острова на остров бедняге как-то было надо...

Землянин злобно пыхтел, но грёб молча. А кен ло Хеероррд вдруг понял очень странную вещь. «Да он же радуется! – вдруг возникла мысль. – Он радуется, что у меня хорошее настроение и я шучу... Хоть как-то шучу!»

Стало стыдно, и сторк умолк. А потом добавил неловко:

– Но, правда, тот Йаррни объединил целых одиннадцать островов и пал с честью в бою с владыками Хоэррды, сильней которых в те времена на Сторкаде не было...

...*К'обб*-у не нужна была приманка или что-то вроде неё – для него приманкой служила хорошо видимая внизу подвижная тень скользящей по воде лодки. Другое дело, что тень не походила на те, что оставляли лодки-плоты *стчк*. А рассказы о кровожадных чудовищах, нападающих на всё подряд, так любимые романистами многих рас – верны лишь для очень больших и, как правило, не слишком умных существ, которые редкость на любой планете. Нормального хищника, даже очень сильного и умного, всё неизвестное заставляет насторожиться и задаться двумя вопросами: а.) это точно съедобно? б.) могу ли я с этим справиться?

Видимо, тень лодки не вдохновляла на нападение. Ничего похожего на хищника охотники не видели, сколько ни глядывались в прозрачную воду и тени дна.

– Надо было камышом обвязаться по бортам! – не выдержал наконец мальчишка болтания по воде без результатов.

– И взять с собой пару этих насекомых, а тут просто сбросить в воду, – дополнил кен ло Хеероррд с серьёзным лицом. – Тварь точно приплыла бы поесть.

Землянин заскворчал, как выплеснутое на раскалённую сковороду масло. Перебросил весло так, словно собирался с размаху треснуть им кен ло Хеерорда. И решительно направил лодку к ближайшему рифу.

Сторк не возражал...

...На рифе оказалась небольшая рожица и озерцо с пресной водой – видно, бил ключ. Кен ло Хеероррд терпеть не мог солёную воду – неглубокие моря его планеты были пресными – и с удовольствием улёгся в озерцо у берега, а мальчишка ускакал куда-то и вернулся уже когда сторк начал беспокоиться – но зато принёс полную рубашку коричневых шишкастых плодов в два своих кулака. Если расколоть такой спелый (а неспелый и не расколешь, разве что прес-

сом) плод – внутри будет волокнообразная зеленоватая масса, кисло-сладкая и без семечек. На катере осталась предусмотрительно захваченная сумка с едой, но эти штуки любили оба.

– Спелые, – довольно сказал мальчишка, ловко кокнув первый плод о камень.

И застыл, сжав расколотую половинку, из которой медленно лягнулось и густо расквасилось о камень её содержимое.

На его лице отразился и закаменел ужас. Такой, что кен ло Хеерорд обернулся сразу – туда, куда глядели остановившиеся глаза землянина.

К'обб стоял в десятке шагов. Серо-розовый, как скалы, по которым он подобрался. Он то ли возвышался, то ли наоборот пригнулся на двух пятиконечных пучках длинных толстых щупалец, выставив вперёд широкую, плоскую голову, похожую на расплоснутый капюшон; шевелились два длинных уса по сторонам сжатого в точку ротового отверстия, и два чёрных непроглядных глаза смотрели прямо на сторка и землянина. Ещё пять щупалец – более длинных и тонких, увенчанных роговыми крюками – отходили от груди пониже головы и покачивались в воздухе, вытянутые – словно неспешно плыли по невидимому течению.

Не такой уж он был и большой – в полтора роста кен ло Хеерорда.

А вот что *к'обб* может ходить по суше – до сих пор никто не знал. Скорей всего те, кто это видел, просто потом уже ничего не могли рассказать соплеменникам.

– Умный... – процедил сторк. – Ты был прав...

Мальчик с отчаяньем поглядел на него. Пошевелил губами. Одно из копий и топор – они взяли эти вещи из катера – стояли между ними и *к'обб*-ом.

И тот прыгнул.

Прыжок был мощным – вверх и вперёд, на более крупную добычу (но всё равно мельче, чем остальные четверолапые, которых он уже успел сожрать). Добыча застывает или убегает, это *к'обб* знал хорошо. Поэтому он сильно удивился, когда понял, что промахнулся. Промахнулся, потому что добыча бросилась вперёд – под прыжок.

А в следующий миг боль пронзила спину, и левый пучок несущих щупалец онемел и отказал. Что-то торчало сзади; барахтаясь на земле, *к'обб* обломил это – и, разъярённый новым приступом боли, сумел вскочить...

...Когда брошенное кен ло Хеерордом копьё нашло цель, мальчишка словно бы разморозился. Он увидел, что сторк хватает топор, а в левой у него возникает *тарва* – даже купаясь, фантор не отстегнул стилет. А потом град увесистых, довольно крупных камней – мальчишка успел подхватить и метнуть пять или шесть за пару секунд – буквально бомбардировал странно, как-то беззлобно и негрозно, урчащую тварь, приготовившуюся было к новому прыжку.

Один из камней попал в правый глаз, и тот лопнул – лопнул неожиданно ярко-алым. *К'обб* повернулся в ту сторону, откуда пришла боль – и вдруг ощутил новую, ещё более страшную, в основании уже раненого пучка. Он махнул грудными щупальцами, пытаясь достать добычу... нападающего?!. Но тот ушёл туда, в ту сторону, где почему-то стало темно... а что-то барабанило и барабанило по голове, в основном не больно, крепкая шкура спасала... но иногда удары приходились в слуховые мембраны, и тогда боль взрывалась беспощадно...

А потом был ещё один удар. Сзади.

И всё...

...Выдохнув, кен ло Хеерорд вырвал удачно брошенный брызнувший кровью топор из основания короткой, словно бы гофрированной шеи подёргивающейся твари. Отскочил – щупальца ещё шевелились. Перевёл дух. И обернулся.

Мальчишка стоял у воды – с отчаянными глазами, белый, в правой руке, на размахе – камень, ещё один – в левой, готов к броску. Он быстро осмотрел лежащее чудовище, потом так же быстро посмотрел на сторка, внезапно судорожно вздрогнул, уронил оба камня – один себе на ногу, второй с плеском упал за спину. И метнулся к кен ло Хеерорду, в два прыжка пре-

одолев разделявшее их расстояние. Сторк еле успел отставить топор и придержать несущегося землянина.

Несколько секунд мальчишка стоял, весь дрожа и вцепившись в сторка, как в ту, первую ночь. Потом кен ло Хеерорд, опомнившись, отвёл руки, отстранил его, легонько тряхнул за плечи и строго спросил:

– Что за новости?

– Я испугался, – землянин глотнул, глаза у него были большими и блестели. – Я за тебя испугался. А сперва просто окаменел. Не знал, что делать...

– То, что ты сделал в конце концов, было весьма удачно и своевременно, – ответил сторк и вдруг понял, что говорит чушь. Он подумал (мальчишка держал его за локти и глотал снова и снова) и сказал: – Спасибо.

– Ты бы и сам справился... – начал землянин, но кен ло Хеерорд оборвал его:

– Не за это. За то, что испугался за меня.

Землянин тихо всхлипнул и уткнулся в сторка лицом. Пробормотал какое-то слово и сам отстранился, глаза были испуганными, но уже иначе, какими-то осторожно-выжидающими. Кен ло Хеерорд не понял – почему...

...И лишь когда они вместе, уже с жаром обсуждая короткую охоту, заволакивали добычу на надутый прицепной понтон – лишь тогда он вспомнил, задумался и определил-таки то слово, выдохнутое ему в локоть.

И не поверил, потому что это было русское слово «папа». То есть – отец.

А такого быть не могло.

* * *

Заант, милый!

Я не знаю, сможешь ли ты простить ту юную дуру, которой я была. Я оставалась душой до последнего, до твоего письма, над которым плакала всю ночь. Будь проклята моя гордость, отнявшая у нас эти годы! Не было дня, чтобы я не рвалась написать тебе, но каждый раз гордость поднимала шерсть: слово сказано, он ушёл, забудь!

Я не могла забыть и не могла написать. И выла на баашню замка, зная, что ты тоже не напишешь. Ты – такой гордый, такой несгибаемый, такой твёрдый, похожий на камень, из которого вырезал тот цветок.

А ты написал, и моя гордость мурлычет, как виноватая самка накъятт и прячет взгляд.

Заант, мой ветер! Все будут знать только, что это я – я, глупая высокомерная девочка, а не ты! – пришла с повинной. Я уже сообщила всем, что это я написала тебе первая. Так должно было быть, потому что я виновата в этих годах одиночества.

Заант, цветок цел. Я достала его из тайника и поставила на окно, возле которого увижу тебя. Ты помнишь дорогу к нашему замку. Я и сейчас пишу у этого окна.

Прости меня, мой воин. Прилетай. Или сообщи – и я прилечу к тебе, к твоему окну.

Уже сейчас вся твоя перед Предками и собой —

Элайн.

На миг кен ло Хеерорд подумал, что от радости, кажется, вполне можно сойти с ума. А в следующий миг – в следующий миг любой, кто увидел бы фантора, решил бы, что тот и впрямь сошёл с ума: вылетев из-за стола, кен ло Хеерорд вдруг издал дикий вибрирующий вопль: «Ай-ллла-ла-ла-лайй!» – и, подскочив в воздух, исполнил классический плясовой «разбег», после чего пустился по комнате, отплясывая *руанн*²⁹ так, что его предки дружно решили бы: нет, Род не измельчал!

²⁹ Мужской одиночный танец у сторков. На Земле на него более всего похож украинский гопак.

Успокоившись наконец – хотя бы внешне – и тяжело дыша от радости, он постоял у стола, снова и снова пробегая письмо взглядом, выхватывая из него то одну, то другую строку и словно бы лаская их или пробуя на вкус. Потом – спохватился: срочно надо было писать ответ, не медлить ни секунды! Последний день короткого отпуска – и подарил ему такую радость!

Он недовольно обернулся на звук шагов.

И удивился тому, что это вошёл мальчишка – обычно он ходил легко, почти неслышно, а сейчас поступь была почти взрослой, какой-то чёткой, жёсткой и решительной.

А самое главное – таким же было его лицо.

– Заант, – тихо сказал мальчик. Сторк, ещё не остывший от внезапной радости, махнул распечаткой:

– Она написала мне! Слышишь, она мне написала!

На лице землянина появилась улыбка. Радостная улыбка... но лишь на миг. Потом оно вновь стало прежним – холодной маской.

– Что случилось? – кен ло Хеерорд отложил письмо, не сводя глаз с воспитанника. – Что произошло?

– Заант, – мальчик сделал ещё два шага, подходя ближе. – Тот корабль, который мы вчера видели в море... ты ведь знаешь, какой у него был груз?

– Кто тебе рассказал? – резко спросил сторк.

– Я ходил смотреть, как *стчк* радуются возле туши, – мальчик говорил размеренно и обстоятельно, как говорят в гневе сильные люди. – Они и сказали мне, что корабль перевозил пленных. Заант, на планете есть лагеря для пленных?

– Один! – резко ответил сторк. – У нас мало пленных землян, бежать отсюда они не смогут, а следить за ними здесь и обеспечивать их даже дешевле, чем на Лунах.

По лицу мальчишки пробежала какая-то странная, пугающая волна. Он стиснул и разжал кулаки, потом высоким, каким-то не своим голосом сказал:

– Заант, ты можешь им помочь?

Лицо сторка – малоподвижное – сделалось по-человечески изумлённым. Он обронил:

– Так ты знаешь...

– Знаю что? – быстро спросил мальчик, но сторк снова замкнулся:

– Ничего.

И оглянулся на письмо, с неожиданной тоской подумав, как всё было хорошо только-только, прямо сейчас...

– Почему я должен им помогать? – спросил он резко. – Это враги. Это земляне.

– А я кто?! Кто я?! – мальчишка взвился, снова сделал быстрый шаг вперёд. И отчеканил: – Или помоги им – или отправь меня к ним, Заант! В их лагерь!

Стало тихо-тихо. В окно дунуло тёплым, влажным ветром – предвестником долгого сезона дождей. Письмо на столе шевельнулось; сторк мельком посмотрел на него и снова взглянул на стоящего перед ним землянина.

– Я думал, что ты не помнишь, кто ты, – сказал кен ло Хеерорд и встретился глазами с непримиримым взглядом мальчика. – И эта мысль отравляла мне душу... Так ты хочешь быть со своими братьями? – мальчишка фыркнул. – Ты знаешь, что они подняли бунт на корабле, который вёз их на остров? – мальчик кивнул. – Так вот: бунт не удался. И те, кто остался жив – что ж... скоро Парад Клинка. Так как теперь?

Мальчишка побледнел.

– Так они не просто в лагере... – его голос упал. На скулах вспухли кремни желваков. Кен ло Хеерорд изучал его – в упор, безжалостно и неподвижно. Мальчишка не помнил у старшего такого взгляда. Хотя... пожалуй, именно так он смотрел в тот день – когда подобрал на улице посёлка раба-слугу.

Мальчик дерзко откинул голову и усмехнулся:

– Какая честь для меня – умереть с теми, кто боролся за Родину все те годы, которые я ел хлеб врага и лелеял свою маленькую месть, – произнёс он совершенно без пафоса, очень естественно, и отсалютовал кен ло Хеерорду – вызывающим земным салютом, словно откидывая прочь, в сторону и вверх, мешающий занавес. – Мне было хорошо с тобой и у тебя, старший. Спасибо тебе... – и продолжал по-русски: – А теперь... зови тех, кто отвезёт меня к моим братьям, сторк. Но ради той песни, что я сложил тебе – прикажи им, чтобы мне дали время: попросить прощенья у тех, кого убьют вместе со мной. Они в миллион раз отважней меня. Может быть, они разрешат мне умереть рядом с ними.

– На Параде Клинка умирают часами, – сторк был совершенно спокоен. – Ты читал сам. Всё так и есть.

Ответом была новая дерзкая усмешка и непримиримый взгляд.

Кен ло Хеерорд не сводил с землянина глаз. А тот – глаз не опускал.

* * *

Они шли к берегу – по тропе, вёдшей туда от миссии. Впереди – фантор Заант кен ло Хеерорд. За ним – его воспитанник, и позади – трое конвоиров. Конвоиры ничего не понимали, но ничего и не спрашивали, даже не переговаривались. Мальчик ощущал их внимательные и удивлённые, насколько это вообще возможно для сторков, взгляды в спину.

И ещё он ощущал страх. страх ворочался в низу живота тяжёлым липким комом. Это что... это всё?! Вот так – всё?! Вся прошлая жизнь, все годы... **счастливые** годы, он не хотел лгать себе, рядом с этим чел... с кен ло Хеерордом, про которого он так часто думал невольно «папа»?!

Спина в парадном мундире была широкой и безразличной.

Так что, это **всё**?! Несколькими словами он сам... сам себя...

Захотелось вернуться назад – назад совсем на немного, войти и начать рассказывать Заанту со смехом, как были рады и изумлены *стчк*, отпустить какую-нибудь шутку... Так захотелось, что он поверил на миг – да всё так и было, остальное – дурной сон... а сейчас они просто идут...

...идут к причалу, откуда катер отвезёт его в лагерь.

Но ведь такого не может быть.

Через несколько дней его не станет. Он вспомнил читанное про Парад Клинка и от ужаса пошатнулся – пришлось сделать вид, что неудачно наступил. Перед глазами повисла картина – ровная травка, гром музыки, и на траве – шевелящийся обрубок... **он сам**. Живой. Ещё живой, хотя уже не похожий на человека. Ничуть.

И снова пришло желание – остановиться, упасть на колени, закричать... Но после этого уже нельзя будет жить. Да и кен ло Хеерорду он станет не нужен после этого.

Оставалось идти. Идти прямо. И думать, что сказать напоследок. Чтобы это сказанное было – как печать с размаху...

...Тропинка сделала поворот – последний перед причалом.

И ниже на тропинке глухой неподвижной стенкой стояли *стчк*.

Их было много – очень много, наверное, все, кто жил в селении. Непонятно было, как они вообще узнали... да и не важно.

Они стояли молча, не щёлкая и не жужжа. И в руках у них были рыбацкие снасти: сети и гарпуны.

Кен ло Хеерорд не остановился ни на миг. Он лишь поднял на ходу *х'онд* и сделал небрежно-раздвигающий жест: прочь.

И – остановился.

Остановился не потому, что они не раздвинулись, не пошевелились даже. А потому, что из молчаливой стенки вышел один из туземцев – неотличимый для сторка от остальных. Но этот *стчк* заговорил – медленно и правильно заговорил на сторкадском:

– Отпусти другого. Который меньше и живёт у тебя. Ты хочешь его убить. Отпусти его. Или мы будем тебя бить и убьём.

– Что?!

В голосе кен ло Хеерорда были не гнев, не изумление, не насмешка, не презрение... Он сам не понимал, что ощущает. Заговорил... кто заговорил?! Вот эта мокрая земля под ногами? Океан? Небо? Камни скал? Разве так бывает?!

– Что? – повторил кен ло Хеерорд. Краем глаза он заметил, как выстроились, сомкнулись за его спиной все трое охранников – без промедления, без страха, как машина – но об этом он не подумал совсем. Потрясённо глядя в фасетки глаз *стчк*, он спросил в третий раз: – Что ты сказал?

– Если ты обидишь его, мы убьём тебя, хотя ты сильный и страшный. И хотя мы никогда не убивали тех, кто может говорить и думать, – размеренно пояснил туземец. – А потом мы постараемся убить всех вас на нашей земле. У нас не получится, мы знаем. Мы не умеем убивать, а вы умеете. Но мы постараемся. Мы должны постараться.

– Почему? – коротко и спокойно спросил сторк. Казалось, *стчк* задумался. Какое-то мгновение он молчал, но потом ответил – так же обстоятельно:

– Он убил... – невероятный выверт пощёлкивания, но кен ло Хеерорд понял и ответил, сам удивляясь себе и понимая, что не боится и потому тянет время разговором – нет... он...

– Я тоже его убил.

– Да, – согласился *стчк*. – Но ты убил, чтобы показать, какой ты храбрый и сильный, и это правда. А он убил потому, что пожалел нас. Он слабей тебя, но смелей, и он добрый, и это тоже правда. Ты злой – и это главная правда. Мы дали убить его... семью. Мы жалеем. Мы тогда не думали, что захотим убить разумного. Теперь хотим. Отпусти его. Он уйдёт с нами, если захочет.

– Заант, – высоким голосом сказал мальчик, и кен ло Хеерорд, не оборачиваясь, знаком приказал: пропустить. Землянин встал рядом и быстро защёлкал – словно кто-то бросал горстями металлические шарики на тонкий лист стали. *Стчк* не отвечали, они слушали... но когда мальчик затих – все, разом, молча повернулись и ушли.

Четверо сторков и один землянин долго смотрели в их узкие спины – пока кустарник внизу не скрыл последних.

Потом кен ло Хеерорд скомандовал конвою:

– Возвращайтесь. Я тут всё решу сам.

И он, и мальчик теперь почти так же долго смотрели, как уходят солдаты. Потом кен ло Хеерорд кивнул землянину на тропинку:

– Пошли.

* * *

– И ты бы меня отвёз? – тихо спросил мальчик.

– Нет, – признался кен ло Хеерорд. – Я хотел тебя напугать. Только напугать.

– И тебе потом было бы не противно жить рядом с таким... напуганным? – требовательно сказал землянин. Кен ло Хеерорд не ответил – ему нечего было отвечать.

Они стояли на площадке над морем, отгороженной от мира дугой густого кустарника. Далеко-далеко, у горизонта, уже собрались морозящие тучи и медленно, но явственно двигались к берегу, а с ними – сезон дождей.

Третий их сезон на этой планете.

– И что нам теперь делать? – первым нарушил установившееся было молчание мальчик.

– Убей меня, – спокойно предложил кен ло Хеерорд. – Убей меня и уходи.

Он достал из кобуры на поясе офицерский бластер и перебросил его мальчишке – быстрым движением. Мальчишка так же быстро и машинально поймал оружие, покрутил в руке,

рассматривая, словно видел его в первый раз, словно кен ло Хеерорд не учил его обращаться с таким...

Лицо землянина стало испуганным, обиженным. Он приоткрыл рот, хлопнул глазами и выпалил:

– Это нечестно! Нечестно... такой выбор!

– А честно заставляя выбирать меня? – тихо спросил сторк.

Мальчишка опустил глаза. Да. Очень легко встать в позу и сказать, что если речь идёт о выборе между честью и привязанностью – настоящие мужчины выбирают честь. Труднее, но тоже можно – заплатить за свои слова жизнью.

Своей.

А чужой? Жизнью...

– Честно заставляя меня выбирать между моей честью и жизнью моего сына? – тем временем так же негромко спросил кен ло Хеерорд.

От лица мальчика отхлынули все краски. Он пошевелил губами. Попробовал кривовато усмехнуться, иронично, чтобы цинизмом сбить происходящее наземь – не вышло. Губы кривились, да, но – сами и совсем не так, как хотелось.

– Я тебе не сын, – сказал он сипло.

– А я тебе вообще никто, – напомнил сторк. – Стреляй.

Мгновенно, широко размахнувшись, мальчишка по дуге запустил с откоса бластер. Сторк проводил его взглядом, снова посмотрел на воспитанника. Землянин тяжело дышал, потом сказал с отчаяньем:

– Что нам делать, старший? Придумай, ты умный, ты взрослый, ты... придумай, отец. Хоть что-то придумай.

Кен ло Хеерорд промолчал.

Он не мог отпустить мальчика – это было бы нарушением долга перед Родиной. Он не мог его отдать властям – это было бы предательством по отношению к нему. Он не мог запереть землянина и никуда не выпускать, потому что это вообще не было выходом. Никаким.

Землянин не мог убить сторка, потому что... не мог. Землянин не мог оставаться со сторком, потому что это было бы предательством, и сегодня он осознал это – он стал взрослым. Землянин мог лишь бежать, но это значило, что, когда его поймают или убьют, кен ло Хеерорда обвинят чёрт знает в чём. Может быть – даже в шпионаже в пользу Земли.

На миг им – каждому в отдельности – пришла в голову мысль о побеге. Куда угодно – прочь от этой войны.

Но лишь на миг, и это был миг стыда. Их Родины бились друг с другом, и выше этой битвы и этих Правд – не было ничего...

...Мальчишка сел на камень и поставил подбородок на ладони – чашей.

Сторк сел рядом и скрестил на коленях руки.

Они смотрели в море – молча и неподвижно.

3.КАПЛЯ ВОДЫ

Лейб-гвардейский старый барабан

Бьёт сухую дробь, струнами дрожа!

Разная – но гордая судьба...

А. Розенбаум. Бронзовые львы

7-Й ГОД ПЕРВОЙ ГАЛАКТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ. ПЛАНЕТА АРК-СУТ'ИР (КОЛОНИЯ СТОРКАДА). КРЕПОСТЬ ХИ'Т ХРУ'АН ФЭСТ

Ба-уммм.

И через несколько секунд опять – ба-уммм.

И опять – ба-умм.

Тело само съёживается, а глаза так и поднимаются к потолку. Каменному, надёжному. Но в свете длинных белых ламп, протянувшихся вдоль стен, видно, как то тут, то там с потолка сыплются шуршащие струйки каменной пыли. Из трещин... невидимых трещин. **Пока** невидимых.

Ба-уммм. Ба-уммм. Ба-уммм. Звук доносится размеренно и ясно через природную твердь скалы, через сталь и жидкий камень.

Это били земные орудия. Чудовищные пушки с жерлами в пол-ханды³⁰ диаметром, больше старых мортир Сторкада из дозвёздных времён. Из крепости было видно, как они ползают вдали по специальным, с чудовищной быстротой проложенным, путям, иногда останавливаясь, медленно, неотвратно высывая из-под угловатой пятнистой брони короткий толстый хобот... и тут же окутываясь лёгким белым дымом, из которого вылетал вверх – медленней, медленней, медленней – снаряд, замирал в вышине чёрной точкой и с унылым жутким рёвом начинал падение, вновь набирая скорость.

И – взрыв. Страшный, которому только и могло противостоять что древняя скала. Снаряды землян были «умные», они искали в своём валком медленном полёте трещины и щели, расшатанные глыбы и тонкие места. Но скала всё равно была всё ещё слишком мощной, и лишь сотрясалась до основания, да сбрасывала по склонам лавины валунов и щебня.

Сссшшшиаххххх! И снова – взрыв. Только другой немного.

А это ракета. Восьмой день земляне крушат снарядами и ракетами оборону Хи'т Хру'ан Фэст. Восьмой... опять сыплется песок, и плечи невольно приподнимаются вверх; страшно думать, что там трещины, и что каждый такой удар расширяет их, расшатывает камень, и в любой миг...

– Аракси.

В голосе отца – чуть брезгливое недовольство, и мальчик, сидящий за столом, краснеет, старается не прятать глаза. Отец стоит по другую сторону стола, скрестив руки на груди – в полевом мундире, только без защиты (она аккуратно сложена на скамье справа от входа). И даже повязка на правой руке кажется какой-то необычной частью формы, не больше – она свежая и чистая, хотя вчера отец сражался, как и все...

...На столе – две чаши, прикрытые листами бумаги. В каждой – пол-зитта воды, дневная норма на сегодня. У Аракси норма, как и у отца, потому что он тоже сражается. Начал вчера, когда был второй земной штурм, и над предпольем, чёрным, сплошь вывороченным снарядами и минами, покрытом руинами передовых фортов, расчерченным математическими, выверенными от и до, линиями земных траншей и других укреплений, страшно, звонко, с каким-то длинным шипением долбили земные барабаны, перемежая своим боем в перерывах стонущую, но в то же время угрожающую музыку ещё каких-то инструментов.

Земляне всегда ходят в атаки под эту музыку. Она бьёт из невидимых мощных динамиков – словно бы из-за горизонта. Отец говорит, что её транслирует живой оркестр...

...Вчера утром, ещё в темноте, земляне усилили огонь. Появились самолёты-штурмовики, поливавшие градом снарядов и мелких бомб и ракет оборонительные площадки. Рвались – глухо, словно бы ковёр выбивают – бомбы с газом, который вязко тёк в щели и трещины. Так продолжалось до рассвета. А потом над краем поля – там, где земные позиции – развернулось в пол-неба чудовищное алое знамя с золотым знаком, боевой штандарт Земли. Оно угрожающе, тяжело колыхалось – как будто ходили на небе кровавые волны. Ударили и заполнили всё пространство до самой крепостной скалы барабаны, взвилась музыка.

И началась атака. Вторая.

Первой атаки Аракси не видел, потому что был внизу, в подземельях. Но бойцов стало не хватать почти сразу, и он сперва стоял на подаче у одного из шаровиков – таскал четырёх-

³⁰ Ханда = 125 см.

звеньевые тяжёлые кассеты к коротко, упруго бумкающему жерлу.. И замер от ужаса, когда увидел в бойницу – **СКОЛЬКО** землян. И **СКОЛЬКО** у них техники. Жуткая серо-зелёная лавина катилась на крепость, извергая потоки дымов, металла и пламени. Аракси даже не сразу понял, что земляне вооружили туземцев, а собственно их войска – это техника и похожие на наконечники выброшенных вперёд копий ударные группы. Он даже застыл на миг около бойницы, забранной подвижным прозрачным щитом – понадобилось усилие воли, чтобы сдвинуться с места...

...Земляне хорошо разведали оборону и умело составили план атаки. Они неожиданно быстро ворвались на нижний передний ярус. Как раз когда Аракси спустился туда на лифте за боеприпасами. Дверь открылась, и он увидел, что ниже галереи идёт свирепая драка. Дрались все и чем попало. Стреляли в упор, били друг друга клинками, обломками камня, складными станинами, ящиками, шлемами... В проломах клубились дым и пыль. Через них лезли и лезли полусогнутые чёрные фигуры – казалось, дым их и порождает, как неживых воинов злого хадди Маэргэзо – и не спешит на помощь своим бьющимся потомкам отважный удалец Астерран... Мальчишке запомнилось одно – чёрные рты землян. Они были в шлемах, но рты почти свободны, и эти рты казались чёрными ямами, изрыгавшими жуткое «ыррраааа!» – то ли вой, то ли рёв.

Потом он увидел отца. Над лестницей справа отец – без шлема – дрался врукопашную с огромным – Аракси не просто показалось так, землянин был гигант даже для рослых сторков – землянином. Каждый сжимал левой рукой правую руку противника. В руках были тесаки. Ниже на лестнице недвижимой жуткой грудой лежали оба отцовских адъютанта и пятеро землян – мёртвые.

Землянин хрипло, жутко рычал. Отец молча скалился. Лицо у него было таким страшным, что Аракси едва не побежал обратно в лифт – запереться, уехать, не видеть, не помнить!

Но отец проигрывал. Вздох за вздохом. Палец за пальцем. И это тоже было страшно, и от этого тоже надо было бежать, но...

...**СТОЙ**, вдруг сказал Аракси голос – тихий, но суровый и непреклонный, чем-то похожий на сухой, безразличный, необсуждаемый голос прадеда, умершего в прошлом году. И этого было достаточно. Он снова стал самим собой. Мужчиной рода Шаттард.

Он побежал. Но не в лифт, а вперёд. И прыгнул с последних шагов, крикнув: «Хадрра!» – чтобы убить остатки страха. И повис на землянине – на спине и руках – мёртвым грузом.

И этого было достаточно, чтобы отец, освободившись, оттолкнул и ударил противника – в рот наотмашь – тесаком. Почти отрубив верх головы вместе со шлемом. Чужой листовидный тесак вылетел из руки землянина, с упругим, до смешного ясным звоном запрыгал по металлическим ступенькам лестницы и упал на трупы.

Аракси оказался под заваливавшимся врагом – тот бы его покалечил своей тяжестью, не откатись мальчишка стремительно в сторону. Его обдало кровью – рухнувшее изувеченное тело обливалось ею. Отец схватил его за шкирку, поднял, бросил к лежавшему неподалёку телу сторка, вооружённого трёхствольным лазером-вертушкой, выкрикнул: «Стреляй, куда покажу! – и выкинул руку. – Туда!»

И Аракси – залёгший за вертушкой, как учили на недавно только начавшихся занятиях Рантшпайра – начал стрелять, куда указывала отцовская рука сбоку – окровавленная, каменно-твёрдая.

Эта же рука потом, после боя, после отбитой всё-таки атаки, хлестнула его по щеке – как посмел оставить место в расчёте?! И она же легла на плечо – будешь моим адъютантом...

...Вчера вечером он хотел отнести воду маме и трём младшим сёстрам – они ведь получали уже два дня по четверти зитта, в два раза меньше, чем он. Пить очень хотелось, но он думал: мама и сестрёнки хотят пить сильнее. И понёс, отпил только половину, хотя рот жил своей жизнью, жадной и тупой, старался впиться губами в край чаши и вытянуть всё до капли.

Понёс. Но мать встретила его на пороге. Увидела чашу и, скривив губы, сказала спокойно: «Пошёл вон, дурак.» Потом ушла в комнаты, и Аракси, стоявший с этой чашей на пороге, услышал её весёлый голос: «Ну что, разучим следующий куплет, дочки?!»...

... – Аракси, ты очень невнимателен, – в голосе отца снова недовольство.

– Прости, отец, – мальчик наклонил голову.

– Ты боишься? – в голосе отца не было насмешки. Аракси покачал головой:

– Нет. Я думаю о том, что происходит.

– Ничего не происходит, – усмехнулся комендант. Углом губ; землянин сказал бы «двинул ртом», но для сторка это была усмешка, даже почти смех. – Ты знаешь Историю Народа. Такое бывало – дикари на какое-то время ухитрились победить на каком-то участке. Кончалось это всегда одинаково.

Аракси снова наклонил голову. Конечно, отец прав. Это обязательно будет. Придёт Флот. Появятся в небе тысячи десантных бауттов, прольют огонь на землю, с них сойдут сверкающие золотом и огнём соорды, и земляне побегут, разбитые, и не смогут убежать. Сторкад не может проиграть, отец прав.

Ему стало легче. Намного легче. И он только по-настоящему улыбнулся в ответ на голос отца:

– Аракси! Положительно так невозможно – ты совершенно ушёл в себя! Я накажу тебя, сын!

– Я тебя люблю, – вырвалось у мальчика. Джарран кен ло Фарья токк Шаттард ап мит Шаттард чуть прикрыл глаза и сокрушённо вздохнул. Ровно сказал:

– Болтливый глупый мальчишка.

Аракси потупился, чтобы скрыть новую улыбку. Отец указал ладонью: встань, и Аракси поднялся.

– Можешь быть свободен. Но сначала прочти заанк Творения Предков, – приказал Джарран кен ло Фарья токк Шаттард ап мит Шаттард. – Он наверняка помнится тебе лучше, чем уравнения.

Бледные щёки мальчика вспыхнули резким румянцем удовольствия. Он встал ещё прямей, хоть это и было, казалось, невозможно, и чистый, ясный голос (землянину он показался бы слишком монотонным и металлически-резким) зазвучал в каземате, перекрывая размеренный гул осадных орудий:

– Во имя древней славы

Мы строим новый мир.

Согреет солнце наше рощи и холмы.

Смех юных, забвения не зная,

С пеньем птиц сливаясь, будет там звучать.

Всю бесконечность лета. Все радости весны.

Глубины осени и тишину зимы

Подарим им.

И ты меня прими...³¹

...Наверху, на открытых площадках стены, был ветер. Здесь находились только дозорные, да и те в бронекопках – но сейчас за зубцами с бойницами и даже между них, открыто, стояло немало сторков. Обстрел прекратился, а тут дул ветер, прохладный, от него меньше хотелось пить – и кроме того, увидев, сколько там собралось народу, Аракси забежал сюда, наверх, в надежде найти кого-нибудь из товарищей. Ему хотелось поиграть во что-нибудь, спуститься в один из внутренних дворов – и поиграть.

³¹ На самом деле здесь и ниже – стихи С. Петренко.

Вместо этого он услышал голос. Голос со стороны врага – и сразу понял, почему тут так много народу и почему все неподвижны. И – застыл тоже, вслушиваясь...

– Отважные защитники крепости Хи'т Хру'ан Фэст! – голос на сторкадском, настоящем сторкадском, старом, говорил без акцента. – Мы снова предлагаем вам почётную сдачу. Планета пала, и вы не можете этого не знать и не можете этого отрицать. Не умножайте страданий своего народа в этой войне, которая была не нужна нам с самого начала и стала бессмысленной для вас. Вы покинуты союзниками – флот нэйкельцев три дня назад даже не сделал попытки прорвать нашу блокаду и отступил вглубь их территорий. Наши эскадры преследуют трусливых головастики и скоро выловят их и посадят в уютную баночку... В вашей защите нуждаются находящиеся у нас женщины и дети вашей крови – их много, нас мало и мы не можем успеть везде, туземцы обозлены. Не торопитесь на Мост, там большая очередь и очень тесно...

Аракси услышал, как рядом кто-то заскрипел зубами. Обернулся – но, конечно, ничьё лицо не выдало чувств. А ему самому хотелось или взвыть в бессмысленной тоске – или закричать, что всё это неправда! Но он мог лишь молчать. Надменно и спокойно, как и все остальные вокруг – взрослые, ровесники и те, кто даже младше его...

...Народ владел Арк-Сут'Ир-ом почти сто вёсен. Небольшая, меньше Сторкада, неспешно вращавшаяся планета, в своих умеренных областях покрытая горными лесами, между которых лежали тут и там узкие длинные долины с густой травой; каждая долина – целый мир. Полярные области были почти безжизненны, южней (в северном полушарии) и северней (в южном) лежали раскалённые, мёртвые пустыни из крупного чёрного песка. Когда сторки пришли на Арк-Сут'Ир – вершиной достижений здешних жителей были зачатки государственности у нескольких племён. Остальные ни о чём таком и не помышляли.

Сторки покорили планету легко. Построили на горных реках мощные каскады энергостанций, на горных плато – космодромы и аэродромы. Долины были распаханы, застроены и связаны пробитыми сквозными тоннелями. (Сторки не очень любили наземный транспорт, но тут он оказался выгодным, а значит – стоило потрудиться.) Сопrotивлявшиеся – их нашлось много за первые двадцать или тридцать вёсен, но сопротивление было разрозненным и обречённым изначально – уничтожены. Лежавшая далеко от границ с другими сильными расами, вблизи от Медленной Зоны, планета считалась тихой и безопасной.

Она считалась таковой даже когда началась война с землянами...

...По сторкадской традиции оборону планеты возлагали на космическую эскадру прикрытия и сеть мощных крепостей на земле. Таких крепостей было двадцать две – по числу крупных поселений Народа; всего сторков жило на планете около пяти миллионов. Туземцев – раз в восемьдесят-девять больше. Земляне учили всё это. Их эскадра, которую возглавляли три линкора, вынырнувшая из подпространства, смяла корабли охранения. Не очень большой, но отлично оснащённый десант высадился на полюсах, которые практически не были прикрыты с земли. Словно по заказу на остальной территории вспыхнуло глобальное восстание, и поселения сторков вместе с крепостями превратились в островки в бушующем море. Может быть, и несокрушимые островки – но не имевшие возможности ни помочь друг другу толком, ни воспрепятствовать продвижению двух земных армий с полюсов. Собирая вокруг себя всё умножающихся повстанцев, перевооружая их и непрестанно атакуя узлы обороны с воздуха своей очень сильной атмосферной авиацией, земляне взяли под контроль всю планету и стали методично давить один очаг сопротивления за другим. Связи – никакой – не было не только у планеты с другими мирами – но и у отдельных частей, гарнизонов, поселений сторков на планете друг с другом, земляне прихлопнули Арк-Сут'Ир «колпаком» полного подавления. При этом они лишились планетной аудио- и видеосвязи сами, но это лишь замедлило их действия – связь вестовыми у них была отработана до мелочей, а спешить им особо так и так оказалось некуда.

Сторки не были готовы к такой наземной войне. Значительная часть сил и очень много драгоценного времени ушли на то, чтобы собрать в относительно безопасных местах стариков, женщин и маленьких детей – и всё равно не успели спасти всех, тысячи были убиты туземцами, десятки тысяч – захвачены землянами (старались не говорить о том, что «захват» нередко был просто-напросто спасением, и со своими новыми союзниками, если их заставляли за расправами, земляне не церемонились совершенно, отчего убийства быстро прекратились). Вставшие «под ружьё» двести тысяч сторков были раздроблены на тысячи изолированных узлов сопротивления, окружённых восставшими. Ни умение сражаться, ни храбрость, ни превосходство в вооружении не делись никуда – но удары по туземцам вязли в жаждущей крови массе тел и не достигали цели – прорыва на соединение. А потом неизбежно подходили земляне и довершали дело с каждым отрядом или гарнизоном в отдельности. Самым обидным, нестерпимо обидным было то, что Северная десантная армия насчитывала по данным разведки сорок пять тысяч, Южная – тридцать три тысячи бойцов. То есть, даже вместе они чуть ли не втрое уступали сторкам по численности. Уступали даже по количеству техники.

И всё равно – медленно, уверенно зачищали планету. Аккуратно зачищали. Сторкам было бы легче, честно слово, начини земляне сжигать замки, заливать горные леса какой-нибудь дрянью и бросать детей и женщин под гусеницы своих машин.

Земляне не делали этого. И от этого всё становилось ещё безнадежней. И каждому гарнизону казалось, что он – последний.

Последним способом хоть как-то связываться между собой и даже контратаковать были для сторков старые верные друзья и братья – накьятт. Земляне это если и не понимали, то поняли быстро – отряд врагов на накьятт, пойдя в самоубийственную ночную атаку с воздуха, сумел уничтожить почти весь штаб Южной армии землян ещё в начале боевых действий. Они даже пытались использовать накьятт сами, но очень быстро поняли, что это не получится – звери признавали только сторков – и стали выслеживать и уничтожать крылатых воинов. Кроме того, накьятт нужно было кормить и поить, а далеко не в каждой крепости хватало воды и еды даже людям...

...Аракси к накьятт был равнодушен – насколько вообще мог быть к ним равнодушен сторк. Но часто вспоминал своего друга Кайнара – пять вёсен назад они ещё малышами познакомились в озёрном детском лагере для мальчиков из Высоких Родов и с тех пор встречались при каждой возможности. Кайнар был неразлучен со своим чёрно-серебристым Зигандом.

И где они теперь? Прячутся где-то в лесах? Или воюют? Или... убиты?

Может быть – и убиты.

Нет. Смерть и правда не казалась Аракси, сыну своего народа, чем-то ужасным и конечным. Даже в том первом настоящем бою он испугался только сначала, и не смерти, а – неожиданности происходящего. Когда-то предки Народа ушли с погибающей земли, и боги их потеряли в суматохе катастрофы. Тогда богами стали для Народа те, кто первыми пришёл на эту землю из Старого Мира и умер на ней – Предки. Не просто предки, а Предки. Они выстроили за гранями зримого и ощущаемого мира большую страну и ждут возвращения богов. А пока каждый сторк после смерти уходит туда – по звенящему многоцветному мосту. Но каждого на том мосту встречают те – Предки. И спрашивают, кто он и как пришёл сюда. И если ты трус, клятвопреступник, предатель, если ты опозорил Род и Народ – тебя сбросят вниз, где над ледяными, но незамерзающими болотами крутятся белые вихри снежных туманов, и ты вечно будешь блуждать там без надежды увидеть своих, без надежды дожить до Возвращения Богов.

Если же ты погиб в бою, с оружием в руках – не важно, сколько тебе лет – тебя ждёт Дружина Отцов. Есть место у Предков и для тех, кто достойно прожил и умер в старости – невинственное место, но хорошее, доброе. Встретят на мосту и проводят к близким растерянного малыша – бывает и такое. И женщина найдёт там любимых людей, с которыми рассталась при

жизни – или сама сможет подождать... хоть и говорят некоторые старики, что там нет места для женщин, но вряд ли Предки так глупы и жестоки...

...Хорошо, что мост этот – священный. Иначе, думал Аракси, он бы обломился от тесноты, от бесчисленного множества сторков, которые идут и идут по нему. Нескончаемым потоком. И, наверное, хмурятся предки, и спрашивают мужчин: что там, в Мире?! Кто столь сильный враг Народа? Кто побеждает в великой войне?! И – что им ответить?

Когда я попаду туда, спокойно думал мальчик, я скажу правду. Что мы бьёмся, как можем. И что мы – победим. Мы не можем не победить. а потом отыщу Кайнара, если он там... Нет, я не боюсь умирать. Я только не хочу умереть вот так – видя, что побеждает враг...

...Он толкнул плечом взрослого мужчину, стоявшего впереди. Взялся руками за зубцы стены. И – вскинул себя наверх. Выпрямился в рост. Поднял руки – вперёд и ввысь...

...На стенах и в казематах крепости защитники удивлённо вслушивались, как наверху, над бастионами, юный звонкий голос поёт строки заанка:

– Встав
К пропасти лицом,
Помни —
Смерти нет.
Ветру улыбнись и пой о вечной славе! —
Когда наступит тьма.
Нам нет пути назад.
Но золотом горят
Башни и мосты
Где распахнутся для тебя врата Хэлэ-На-Эйле!³²
Ты встретишь новый мир!

* * *

Мальчишка успел застрелить двоих донцов.

Одного – сразу, из засады, всадив с каких-то пяти метров в шею и всю левую сторону тела концентрированный заряд бластера. Броня оплавилась и вспучилась, часть тела превратилась в головешку. Потом – вместо того, чтобы бежать – парень почему-то продолжал стрелять, перебегая туда-сюда – и угодил-таки в рот ещё одному из казаков. Луч выжег пол-затылка. Через какие-то секунды брошенная граната разорвалась точно под ногами перебежавшего сторка – его бросило вверх и в сторону, завертев юлой, ударило о стену – под нею он и остался лежать, не выпустив бластер. От осколков его почти спасла броня, но взрывная волна раздробила сторка, как удар молотом по мешку с костями.

– Пацан совсем... – сожалеюще сказал есаул донцов, поднимая острое, похожее на утюг, матовое забрало на шлеме убитого и глядя в залитое кровью из носа и рта, полное злости и упорства, не растаявших даже после смерти, лицо. – Лет двенадцать всего... – он выпрямился и яростно сплюнул в сторону.

Около дома, где этот сумасшедший напал на патруль, нашли мёртвого крылатого кота – большого, чёрно-серебристого, со снятой лёгкой бронёй, пробитой в нескольких местах. Труп лежал рядом с сожжёнными выстрелом перемётными сумками – видимо, парень сжёг что-то, что не должно было достаться людям. Но всё равно было непонятно, почему сторк не попытался уйти пешком, унеся с собой донесения или что там было.

Непонятно – пока один из казаков не сунулся проверить дом, дверной проём которого буквально манил чернотой открытого входа.

Обратно он вылетел пулей, почти спотыкаясь о собственные ноги, сразу же метнувшись к есаулу.

³² Мир, построенный Предками для того, чтобы сторки после смерти ожидали там Возвращения Богов.

– Там это... – в глаза казака был растерянный ужас, и есаул невольно насторожился, покосился в сторону дома и быстро спросил:

– Ну?! – готовый услышать что угодно. В мозгу, заточенном войной, мгновенной вереницей пронеслись самые ужасные и отвратительные варианты. Казак сглотнул, снова оглянулся и, нагнувшись к есаулу, выдохнул ему в самое лицо – как будто сообщал о конце света:

– Там это... баба, – и, прежде чем есаул успел осознать ответ и высказаться как следует – добавил: – Она это... – и с окончательным беспросветным ужасом закончил: – Рожает она.

Есаул онемел и тоже уставился на дом – так, словно тот вот-вот должен был взорваться и разнести полпланеты. Выдавил наконец:

– Она что... – и вспомнил старинные ругательства, – ...ох... ла?!

– А я при чём?! – казак вытер лицо. – Захожу, а она это... уже... делать-то что, есаул?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.